

А. Г. Малышев

**Влияние
гендерно-чувствительных
форм работы
социальных сервисов
на трансформации
ценностей и практик
родительства
в современной России**

Санкт-Петербург, 2013

УДК 316.356.2
ББК 74.268.771
М12

*Данное исследование проведено в рамках
российско-шведского проекта
MIR-III (Men in Russia-III, 2011–2013)
и при финансовой поддержке SIDA
(Агентства международного сотрудничества
в области развития).*

*Содержание исследования не может рассматриваться
как официальная точка зрения SIDA
или иной другой организации и отражает
только точку зрения автора*

Редактор издательства: Е. А. Никанорова
Корректор: Е. А. Никанорова

М12 Малышев А. Г. Влияние гендерно-чувствительных форм работы социальных сервисов на трансформации ценностей и практик родительства в современной России. СПб.: Тускарора, 2013. — 72 с.
ISBN 978-5-89977-182-8

Книга отражает результаты социологического исследования влияния одного из видов гендерно-чувствительных социальных сервисов (групп для будущих отцов) на трансформации ценностей и практик родительства в современной России на примере Санкт-Петербурга.

УДК 316.356.2
ББК 74.268.771

ISBN 978-5-89977-182-8

© А. Г. Малышев
© И. А. Григорьева, предисловие

Предисловие

Проблематика гендерных ролей и их особенностей занимает в современной российской социальной работе немалое место. Однако обсуждение гендерных проблем было сфокусировано на новом понимании роли и места женщин в обществе, на теме баланса семьи и работы для женщин. А вот проблематика отцов/отцовства и родительских практик мужчин привлекала меньше внимания, закрепляя, тем самым, традиционное неравенство в семейных отношениях, когда роль отца считается «вторичной» по сравнению с материнской ролью.

В последние годы благодаря активной практической работе Н. Еремина, С. Захарова, публикациям И. Кона, Е. Ярской-Смирновой, Ж. Кравченко, О. Безруковой, Ж. Черновой этот перекося уходит в прошлое. Но работ, освещающих влияние современных, гендерно-ориентированных, то есть ориентированных на эмансипацию мужчин для семьи и детей (как раньше — женщин для работы и общества), пока мало.

В недавнем советском прошлом, как считают многие авторы, отцовство представляло собой набор практик и представлений, вытесняющих мужчин в сферу обеспечения семьи, но недооценивающих их как отцов. Поэтому развитие сервисов, направленных на поддержку новой формы родительства — ответственного или вовлеченного отцовства, безусловно, является социальной инновацией. Сегодня различные «папа-школы» — уже почти привычная форма помощи родителям-мужчинам, но эмпирический анализ изменений практик отцовства под их влиянием пока редок. Этот пробел восполняет данное исследование.

По результатам анализа вовлеченности отцов в различные виды практик родительства автор делает вывод, что значительная часть отцов вовлечена в достаточно широкий диапазон практик заботы и воспитания, но качество их вовлечения разное. Так, за ответом «часто» (принимают участие в играх с ребенком, приготовлении еды, уходе и т.д.) может скрываться малая часть тех, кто «всегда» принимает участие и довольно большая часть тех, кто делает это «редко». Из материалов исследования также очевидно, что в ценностях мужчин пока преобладает уверенность, что материальным устройством семьи должны заниматься они, а бытовым — женщины.

Тем не менее, можно не без оснований предположить, что занятия в папа-группах способствуют расширению репертуара родительских практик и более плотному вовлечению в них мужчин, особенно, если папа-групп/клубов будет больше, и СМИ будут активно продвигать важнейшие для демократического развития российского социума практики и ценности «вовлеченного отцовства». Поэтому можно сказать «большое спасибо!» автору и издателям данной брошюры и пожелать успехов в продолжении работы гендерно-ориентированных социальных сервисов.

И.А. Григорьева, доктор социологических наук, профессор факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета

Введение

Семья, рождение и воспитание детей на протяжении всей истории человечества занимали особое место в общественной и индивидуальной жизни, поскольку именно эта сфера обеспечивала воспроизводство жизни и продолжение существования человечества, с одной стороны, а с другой — выступала для индивидов в качестве «места личного осуществления» [3, с. 125].

В разных обществах, в различных культурах и даже в различные исторические периоды в рамках одного и того же общества конфигурация и значимость и содержание системы ценностей, которые были связаны с семьей и рождением детей, имели достаточно большую вариативность. Примером, иллюстрирующим размах границ этой вариативности, может послужить то, что родительство, наличие детей в одних культурах (например, во многих культурах, относящихся к традиционным) могло восприниматься преимущественно как экономический ресурс, а в других может стать одним из основных источников раскрытия творческого потенциала родителя, быть его эмоциональной потребностью. Практики родительства, распределение обязанностей в семье и организация заботы о детях определяются ценностями и представлениями в сфере родительства, а также некоторыми внешними факторами (такими как семейная и демографическая политика государства, уровень социально-экономического развития и т. п.).

Трансформации институтов семьи и родительства в современном мире проявляются, в частности, в более позднем вступлении в брак, откладывании или отказе от регистрации брака, откладывании рождения первого

ребенка, увеличении доли рождений детей в зрелом возрасте родителей, ослаблении потребности в детях, увеличении числа бездетных, малодетных, монородительских семей [14], отделении биологического родительства от социального [5, с. 61], изменении содержания набора мотивов иметь детей (переход от доминирования биологических и социально-экономических мотивов к преобладанию психологической потребности самореализации в детях [21]), снижении поляризации родительских ролей в области воспитания и заботы о детях [25, с. 105] и т. п.

В рамках данного исследования мы стремимся показать, насколько новые ценности и практики родительства (в частности отцовства как компонента родительства, претерпевающего наиболее показательные изменения) распространены в России на сегодняшний день, какие существуют формы их поддержки, как они действуют.

ЧАСТЬ 1

Теоретические аспекты исследования влияния гендерно-чувствительных форм работы социальных сервисов на трансформации ценностей и практик родительства в современной России

1.1. Объект, предмет, цели и задачи исследования

Объектом исследования являются ценности и практики родительства в современной России (на примере Санкт-Петербурга).

Предмет исследования — влияние на трансформацию ценностей и практик родительства работы социальных сервисов, ориентированных на поддержку новых форм родительства и являющихся гендерно-чувствительными.

Предметное поле исследования — влияние социального сервиса папа-школ на трансформацию ценностей и практик родительства (в частности отцовства как компонента родительства, претерпевающего наиболее показательные изменения, на который при этом направлено влияние папа-школ).

Цель исследования: выявление наличия и характера связи между деятельностью социальных сервисов, принимающих во внимание гендерные особенности клиентов (на примере папа-школ) и изменениями ценностей и практик в области родительства (в частности отцовства).

В рамках исследования планируется решить следующие задачи:

1. Выявить ценности и практики в области родительства в современной России (на примере Санкт-Петербурга);

2. Определить тенденции трансформаций ценностей и практик родительства в современной России (теоретический анализ);

3. Определить значимость социальных сервисов в контексте трансформаций ценностей и практик родительства.

1.2. Ценности и практики родительства

Родительство может быть интерпретировано двояко. С одной стороны, родительство — это «выполнение функций воспитания детей в семье и заботы о них» [23, с. 103]. В этом смысле родительство включает две группы деятельности — в области заботы и в области воспитания.

С другой стороны родительство — это «институциональные характеристики родительских отношений» [9, с. 73]. Родительство в этом контексте включает парные категории «отцовство» и «материнство». В рамках данного исследования основной акцент будет сделан на изучении изменений отцовства. Отцовство представляет собой набор институционализированных практик и представлений, связанных с ролью отца в жизни ребенка), которые могут рассматриваться индивидами и обществом в различных аспектах в зависимости от социального и культурного контекста: от собственно практик заботы, до материального обеспечения ребенка и семьи.

Содержание и организация деятельности индивидов в сфере родительства определяется интериоризированными ими ценностями и реализуется в практиках. Ценности представляют собой «представления индивидов или групп людей о том, что желательно, приемлемо, хорошо или плохо» [6, с. 514]. Ценности родительст-

ва — это представления, на основании которых индивиды устанавливают критерии желательности или нежелательности тех или иных действий и ситуаций в области родительства.

В рамках данного исследования будут проанализированы место семьи и родительства в системе ценностей, а также содержание ценностного блока, который связан с родительством (что является ценностью в рамках отношений родительства).

Практики могут пониматься как совокупность производимых индивидами социальных действий в социальной реальности. Практики родительства — это производимые индивидами социальные действия, направленные на осуществление заботы об их детях и их воспитания.

Воспитание понимается нами как «намеренное, запланированное влияние на личность» [17] с целью ее формирования.

Заботу мы определяем как «одну из форм (не)оплачиваемого труда, которая включает в себя приложение усилий физического, интеллектуального, эмоционального характера с целью удовлетворения потребностей других людей» [15 с. 67].

В рамках данного исследования будут проанализированы практики заботы и воспитания, в которые вовлечены отцы.

1.3. Трансформация ценностей и практик родительства: теоретический контекст изучения, модели

Традиционная модель семьи в развитых странах во второй половине XX века постепенно утрачивает свою устойчивость, которая была свойственна ей на протяжении предшествующего длительного периода времени. Семья перестает быть нормативно зафиксированной ригидной конструкцией с четким распределением обязан-

ностей между супругами, связанной с реализацией экономической функции преимущественно мужчиной и организации заботы о детях преимущественно женщиной.

Родительство, которое тесно связано с институтом семьи, также постепенно выводится из под влияния жестких норм и становятся «результатом совместного творчества всех членов семьи, приносящим удовольствие каждому» [16, с. 11]. Семейные отношения, рождение и воспитание ребенка, забота о нем осмысляются их участниками как способы эмоциональной самореализации, что способствует «переизобретению» ролей родителей в рамках каждой конкретной семьи, превращению их в предмет переговоров и компромисса между партнерами.

В то же время трансформации институтов семьи представляют собой тенденции, которые могут сосуществовать с определенными устойчивыми элементами традиционных моделей или затрагивать только часть общества. Как отмечает Э. Бек-Герншейм, «традиционная модель семьи продолжает существовать в некоторых группах общества, но другие (группы) при этом уже к ней не обращаются, и большая часть общества характеризуется противоречивым сочетанием традиционных стремлений и новых ожиданий, различающихся среди представителей разных поколений и полов» [27, с. 18]. Иллюстрацией этого могут послужить работы Юлии Нентвич (J. Nentwich) о проблемах укорененности традиционного разделения деятельности между родителями в области труда и заботы о детях [29].

Б. Пфау-Эффингер выделяет пять моделей семьи или моделей гендерной культуры (дополняя их шестой, выделенной Кромптоном и Харрисом), характерных для Западной Европы, смена которых характеризует ход процессов трансформации семьи и родительства [22, с. 80]:

— модель семейной экономики (традиционная расширенная семья) (1);

— модель мужчины-кормильца и женщины-домохозяйки (2);

— модель мужчины-кормильца и женщины-частично домохозяйки (3);

— модель двух кормильцев при государственном уходе за детьми (4);

— модель двух кормильцев и двух домохозяев (5);

— модель двух кормильцев / наемного ухода за детьми (6) (британская модель, выделенная Кромптоном и Харрисом).

Каждая из этих моделей предполагает различную конфигурацию автономии/зависимости женщины, источников доходов семьи, сфер интеграции членов семьи в общество.

Также можно выделить четыре модели отцовства, смена которых характеризовала продвижение процессов трансформации родительства:

— традиционная модель отцовства (отец должен заниматься «обеспечением семьи/детей, защитой семьи/детей, утверждением родительской власти как средства воспитания детей, приучением детей к дисциплине» [12, с. 13]);

— модель «отсутствующего отца» («отец, который практически не включен в повседневную жизнь ребенка/детей, либо утратил контакт с детьми вследствие развода» [12, с. 14]);

— модель «ответственного отца» («активно включен в процесс ухода за детьми и их воспитания, однако вклад таких отцов в развитие детей меньше, чем вклад матерей» [12, с. 20]);

— «новый отец» («не только берет на себя ответственность за свою семью, но и делит поровну с супругой и домашние обязанности, и обязанности по уходу за детьми, их развитием и воспитанием» [12, с. 20]).

Проявления трансформаций семьи и родительства в большей степени характерны для развитых стран Запада, однако определенные их элементы распространяют-

ся в той или иной степени во многих странах мира, в том числе и в России.

Некоторые российские обществоведы подчеркивают опасность для общества изменений семьи, обозначая их как «кризисные явления», которые несут нарушение функционирования семьи и общества в целом. Такой подход опирается на представление о традиционной семье с большим количеством детей как о нормативном типе семьи, а в центр внимания попадает выполнение/ невыполнение семьей функций, связываемых с предполагаемыми потребностями общества. Семья при этом узко определяется «как исторически сложившаяся личностная форма удовлетворения социальной необходимости в воспроизводстве населения» [2, с. 68].

Алармистские настроения по поводу депопуляции вследствие «невыполнения» семьей приписываемых ей функций, которые влекут трансформации семьи и родительства, иногда дополняются опасениями по поводу размывания традиционных ценностей. Такая традиционалистская позиция в последнее время часто находит поддержку в российском официально-политическом дискурсе. Ее следствием являются пронаталистская риторика российских властей, реализуемая в рамках семейной политики. В то же время, традиционалистский дискурс, как отмечает один из авторитетнейших российских исследователей проблем семьи, сексуальности и гендера И. С. Кон, является «утопическим, потому что... россияне... любят,.. рожают или не рожают детей не по политическим, а по личным мотивам, на которые... ни административные меры, ни политическая риторика не влияют» [13, с. 62].

Иной фокус рассмотрения проблем, связанных с изменением ценностей семьи, материнства, отцовства и родительства представлен в рамках исследований, которые исходят из того, что семья представляет собой продукт социального конструирования, несводимый к эссенциальным моделям. Одно из наиболее ярких выра-

жений этой позиции может быть описано словами Э. Бек-Герншейм: в области семейных и родительских отношений «сегодня во многом просто не ясно, что является исключением, а что правилом» [27, с. 34]. Исследователи данного направления, как правило, рассматривают изменения семейных ценностей в связи с изменением гендерных отношений, рассматривая их как возможности преодоления гендерной дискриминации как женщин, так и мужчин в сфере родительства и семейных отношений. С этой позиции, изменения ценностей и практик родительства — неизбежный процесс, связанный с модернизацией общества, несущий значительный эмансипирующий потенциал.

Причины процессов трансформации ценностей и практик родительства могут быть объяснены при помощи теоретических моделей, описывающих процессы изменений современного общества и его институтов.

Трансформации родительства являются частью процессов трансформации интимности, которые подробно описывает Э. Гидденс. Он выделяет три типа любви и определяет место в историческом развитии для каждого из них (любовь-страсть, романтическая любовь и любовь-слияние).

В современном обществе (речь идет в первую очередь о западных обществах), по мнению Гидденса, любовь существует в рамках модели, которую он обозначает как «любовь-привязанность», или «любовь-слияние». Она характеризуется тем, что «любовь развивается лишь до той же степени, что и интимность, до той степени, до которой каждый из партнеров готов раскрыть свои интересы и потребности другому и стать уязвимым со стороны этого другого» [7, с. 83]. Любовь-привязанность предполагает ориентацию на удовлетворение интересов в области чувств обоих партнеров. Любовь-слияние не опирается на традиции, это всегда своего рода договор, взаимовыгодный для обоих партнеров, ведь условия этого договора они определили сами, но при

этом рискованный, поскольку в случае, если кого-то из партнеров что-либо не устраивает в отношениях, он волен их прекратить, не ориентируясь на потерявшие свое значение традиции. При отсутствии традиций исчезает четко закрепленный сценарий развития отношений в рамках любви-слияния, заметно снижается значимость детей для пары. Отсюда рост числа разводов и понижение детности. Но отсюда же вытекает и другое важное следствие: в рамках действительно свободного эгалитарного «контракта» между мужчиной и женщиной, основанного на выборе и свободе, а не на традициях, практически нет места эксплуатации, в том числе и через неравное распределение гендерных ролей внутри семьи. Семейные отношения, рождение и воспитание ребенка в рамках отношений, основанных на любви-слиянии — это, в первую очередь, способы эмоциональной самореализации партнеров, поэтому они оба готовы погружаться в них полностью.

Другой теоретической моделью, объясняющей движение процессов трансформации ценностей (в том числе и ценностей в области родительства) является теория модернизации Р. Инглхарта. По его мнению, «социально-экономическое развитие ведет к примерно предсказуемым изменениям культуры, и эти изменения на каком-то этапе создают благоприятные условия для возникновения демократического строя» [4, с. 31]. Данные изменения не подчиняются жестким законам, а носят вероятностный характер.

Изменения культуры, происходящие вследствие социально-экономического развития, по мнению Инглхарта, приводят к изменению ценностей. Так, переход общества в индустриальную стадию характеризовался переходом от традиционных ценностей к секулярно-рациональным. С дальнейшим социально-экономическим развитием происходит другой переход — от ценностей выживания (например, безопасность, рациональность, авторитет) к ценностям самовыражения (например, са-

морerealization, толерантность). С позиции этой теории становится ясным, почему одной из важнейших характеристик нового родительства является самореализация в семье, желание получать удовольствие от общения с детьми.

Говоря о постсоветских государствах, Инглхарт уточняет, что «многие постсоветские государства тенденция к повышению уровня личной независимости и расширению свободы затрагивает сравнительно слабо» [4, с. 14], что объясняется резким спадом уровня социально-экономического развития этих государств в период шоковых преобразований начала 90-х годов XX века. Это объясняет медленное распространение трансформаций ценностей родительства в России.

1.4. Исторический контекст родительства, материнства и отцовства в России

Евгения Ангелова и Анна Темкина, вслед за феминистской исследовательницей Нэнси Ходоров отмечают, что «нуклеарная семья в XX веке характеризовалась ассиметричной структурой родительства, при которой женщины осуществляют особые практики "материнства", то есть повседневной заботы о детях» [1, 473]. Материнство в советском и постсоветском обществе рассматривалось в первую очередь в связи с практиками повседневной заботы о детях, а отцовство в значительно большей степени связывалось с поддержанием материального благополучия семьи. Следует отметить, что данный вариант соотношения материнства и отцовства был и отчасти остается доминирующим.

В Советском Союзе сложилась и впоследствии в России сохранялась такая модель родительства, которая может быть описана следующим образом: «только матери имеют детей... Отцы не принимаются во внимание ни социальными институтами, ни обществом в целом» [23, 139]. Возникновению подобной ситуации способст-

вовала политика советского государства, основной целью которой являлась мобилизация как мужчин (военная и трудовая сила), так и женщин (воспроизводство населения). Такой политикой государство отделяло мужчину от семьи, дискриминировало его в семье в качестве родителя. Мужчине отводилась роль добытчика, а женщина выполняла обязанности, связанные с заботой о детях. В состоянии исключенности отца из родительства, вытеснении его в сферу защиты и обеспечения семьи, отцовство становилось часто соответствующим модели отсутствующего отца.

Асимметричная конфигурация родительства стала в советском обществе довольно устойчивой, поддерживалась законодательно. После прекращения существования советского государства модель родительства, сформированная в СССР, сохраняла устойчивость благодаря своей укорененности в обществе.

Трансформация практик родительства связана со сглаживанием асимметричности его структуры, выравниванием ролей отца и матери.

1.5. Биополитические аспекты родительства

Родительство, семейная жизнь — важные элементы контроля в поле биополитики, поскольку от них зависит воспроизводство населения и в какой-то степени его качество. Термин «биополитика» в смысле, который в него вкладывает М. Фуко, «указывает на то, каким образом в определенный период власть трансформируется, так что в итоге она может управлять не только индивидами посредством некоторого количества дисциплинарных процедур, но и совокупностью живых вещей, конституированных как «населения» [20].

С точки зрения биополитики, семьи представляют собой своего рода «предприятия» по производству единиц населения, то есть одного из видов ресурсов государства — человеческого капитала. Его использование

осуществляется на двух уровнях — семейном/межличностном и государственном уровне/уровне рынка. В то же время чаще «затраты на создание человеческого капитала осуществляются преимущественно на одном уровне — семейном» [21, с. 149].

Ресурсы, необходимые для производства человеческого капитала можно условно разделить, как это предлагает И. В. Плющ, на возобновимые (преимущественно, финансовые ресурсы) и невозобновимые, к которым относится личное время членов семьи, здоровье женщины и т. п. В процессе модернизации общества, индивиды все в меньшей степени оказываются готовы нести на себе ответственность по обеспечению всего комплекса ресурсов воспроизводства населения.

Частично обеспечение этих ресурсов берет на себя государство, в случае, если оно заинтересовано в сохранении или увеличении темпов воспроизводства населения. Биополитика берет под контроль «аспекты жизни, которые впоследствии становятся местами развертывания политики государства всеобщего благосостояния: ее развитие в действительности осуществляется исключительно с целью лучшего управления рабочей силой» [20]. Таким образом, государство стремится контролировать и регулировать процессы воспроизводства населения.

Важные в этом контексте институты родительства и семьи также оказываются затронуты механизмами контроля биополитики. Инструментом регулирования в данном случае выступает социальная политика государства: пособия, льготы, создание инфраструктуры социальных сервисов. Государство может компенсировать индивидам/семьям определенные ресурсы (экономические ресурсы, время) и создать условия для инвестирования семьями/индивидами тех ресурсов, которые оно компенсировать не может. Для успешной реализации проектов государства в этой сфере биополитики должен быть достигнут своего рода баланс участия индивидов и

государства в вопросе обеспечения ресурсов родительства. Трансформации семьи и родительства ставят перед российским государством, определяющим в качестве одной из своих приоритетных целей противостояние депопуляции и поддержку рождаемости, новые цели в данной сфере: оно должно поддерживать те модели родительства, которые существуют. Например, игнорирование государством тенденций перераспределения обязанностей в семье между мужчинами и женщинами в области заботы о детях (осуществление ухода за ребенком в первые годы жизни не только матерью, но и отцом) создает дополнительное напряжение для семьи, оказавшейся затронутой этими тенденциями, а также может способствовать откладыванию принятия решения о рождении ребенка.

Таким образом, государство в той или иной форме может оказаться быть вынуждено поддерживать распространяющиеся в обществе новые модели родительства, даже если на определенном уровне политического дискурса декларируются традиционалистские ценности. Процессы трансформации ценностей и практик родительства затрагивают реально действующие механизмы воспроизводства населения. Поддержка трансформации ценностей и практик родительства, с точки зрения биополитики российского государства, может быть своего рода «побочным продуктом» его политики, ориентированной, в первую очередь, на воспроизводство населения.

1.6. Механизмы распространения ценностей и практик родительства

Процесс распространения новых ценностей и практик родительства в российском обществе может быть, по нашему мнению, описан с использованием теории диффузии инноваций Эверетта Роджерса [30]. С позиции этой теории процесс распространения инноваций носит индивидуальный характер. Индивид в ходе при-

нятия инновации проходит через определенные этапы: знание, убеждение, решение, реализация и подтверждение. Инновации при этом захватывают не все общество сразу, а распространяются через вовлечение в процесс определенных частей общества с течением времени. Эти части выделены в рамках теории диффузии инноваций в следующих процентных соотношениях: инноваторы (innovators) — до 2,5 %, ранние последователи (early adopters) — 13,5 %, раннее большинство (early majority) — 34 %, позднее большинство (late majority) — 34%, отстающие (laggards) — 16 %.

Инноваторы создают идеи инновации или первыми вовлекаются в них. Они идут на определенный риск, вступая первыми в нововведения, поэтому они должны иметь определенный объем ресурсов, которые позволят им компенсировать потери в случае неудачи инновации. Ранние последователи довольно скоро после инноваторов принимают нововведение. Они характеризуются, по мнению Э. Роджерса, высоким уровнем образования, устойчивым финансовым положением, являются лидерами мнений, готовы идти на риски принятия инноваций. Примерно такими свойствами, по мнению И. С. Клецинной, обладают современные российские мужчины, которые включаются в новые практики родительства (начинают менять своё отношение к семейной жизни и проявляют активный интерес к воспитанию детей). Они «принадлежат к успешным и активным социальным слоям, достигли определенного уровня личного — материального и духовного — развития» [12, с. 21].

Представители раннего большинства более осмотрительны в принятии нового, имеют достаточный объем социальных связей, через которые они получают информацию об инновации. Позднее большинство скептически, ригидно и готово принимать инновации только тогда, когда в них вовлечено уже значительное количество других участников.

Отстающие недоверчивы по отношению к инновациям, традиционны, имеют узкую либо зауженную на определенной группе сеть социальных контактов. На этапе, когда в процесс принятия общественных инноваций вовлечены только инноваторы и ранние последователи, значительную роль в распространении инноваций (в том числе и новых практик родительства) играют общественные организации, объединяющие инноваторов. Деятельность этих организаций направлена на поддержание и распространение новых практик среди ранних последователей и раннего большинства.

Деятельность общественных организаций, действующих в сфере новых ценностей и практик родительства, может быть ориентирована на введение новых практик в общественный дискурс, создание стимулов для государства к включению их в поле его социальной политики. Инструментами, которыми располагают общественные организации инноваторов в вопросах распространения родительских ценностей и практик, являются различные формы распространения информации и социальные сервисы.

Общественные организации инноваторов привлекают активистов распространения поддержки новых практик по горизонтальным социальным сетям, вовлекают в деятельность по поддержке новых родительских практик другие общественные организации. Они прилагают усилия, которые направлены на артикуляцию инноваций на уровне государственных органов и интеграцию деятельности по поддержке новых практик родительства в деятельность государственных социальных сервисов.

Процессы участия общественных организаций инноваторов в поддержке распространения новых родительских практик в Санкт-Петербурге подробно описаны в статье А. Малышева и О. Парфёновой «Социальные сервисы как проводники трансформации родительских практик (на примере распространения папа-школ в Санкт-Петербурге)» [19]. Авторы выделяют четыре сце-

нария внедрения в деятельность социальных сервисов формы работы (школы для будущих отцов), направленной на поддержку новой формы родительства — ответственного, или вовлеченного отцовства.

1.7. Гендерно-чувствительные социальные сервисы, ориентированные на поддержку новых форм родительства

Поддержку трансформаций ценностей и практик родительства предпринимают как общественные организации, так и государство. Государство практически исключительно располагает таким мощным инструментом влияния как социальная семейная политика, в рамках которого могут действовать и социальные сервисы. Общественные организации из активных форм поддержки индивидов, вовлекаемых в новые практики родительства, могут использовать преимущественно социальные сервисы.

Социальные сервисы — это услуги (также иногда этим словосочетанием обозначаются институции, которые предоставляют эти услуги), которые предоставляются всем вне зависимости от доходов и направлены при этом на содействие получателям этих услуг в «решении их повседневных жизненных проблем» [8], которые по каким-либо причинам признаны организацией, предоставляющей эти услуги, значимыми. В российской практике работы социальных сервисов часто принято отождествлять социальные проблемы, с которыми имеют дело социальные сервисы, с «патологическими состояниями», однако «далеко не всегда разумно отождествлять социальные проблемы с патологией, особенно в ее медицинской интерпретации..., недооценивая то, что проблемы могут быть индикаторами социального изменения и развития» [8].

Государственные социальные сервисы — это «механизмы реализации элементов социальной политики в

определенной сфере» [18, с. 27]. Социальная политика государства, с одной стороны, должна ориентироваться на достижение социальной справедливости и сглаживать проявления неравенства в обществе (декоммодификация по Г. Эспинг-Андерсену), а с другой, как уже отмечалось выше, учитывать биополитические аспекты. В основе социальной политики лежат определенные идеологические концепты (консерватизм, социал-демократическая идеология, либерализм, неолиберализм и др.), которые определяют конфигурацию ее институтов. Деятельность негосударственных социальных сервисов также представляет собой механизм реализации определенных «идеологических» конструкторов, однако сформулированными не государством, а активистами — инициаторами создания общественных организаций.

Деятельность государства и общественных организаций в области поддержки новых ценностей и практик родительства направлена преимущественно на создание социальной инфраструктуры поддержки новых форм родительства. Учитывая характер трансформаций практик родительства, ориентированный во многом на движение в сторону гендерного равноправия, дефамелизацию женщин, вовлечение мужчин/отцов в активное исполнение родительских обязанностей, представляется обоснованным в этом контексте говорить, в первую очередь, о гендерно-чувствительных формах работы социальных сервисов как инфраструктуре поддержки новых форм родительства.

Принципом организации гендерно-чувствительных социальных сервисов является учет гендерной специфики клиентов, помощь в разрешении тех проблем клиентов, существование которых связано с их гендерными особенностями (часто в сочетании с иными особенностями социального статуса), например, помощь женщинам, пережившим насилие или мужчинам, склонным к совершению насилия.

Исследователи гендерных аспектов социальной работы отмечают, что во всем мире клиентами социальных служб в основном являются женщины, доля женщин среди рядовых сотрудников социальных служб значительно превышает долю мужчин (Л. Доминелли [28], Е. Р. Ярская-Смирнова [28]).

В России гендерный перекос в составе клиентов и сотрудников социальных служб является очень значительным. Так, в Санкт-Петербурге в 2012 году действовал по меньшей мере один государственный центр социальной помощи семье и детям, в котором среди работников не было ни одного мужчины. В государственных учреждениях социального обслуживания населения Санкт-Петербурга доля мужчин в кадровом составе редко превышает 25 %.

Анализ состава клиентов учреждений социального обслуживания семей и детей показывает, что «основными получателями социальной помощи сегодня являются матери, вторыми в этом ряду стоят дети и только в отдельных случаях можно отметить целенаправленное включение отцов в реализацию социально-реабилитационных программ» [10, с. 37].

В современном российском обществе существует модель мужественности, в которую интегрировано представление о том, что просьба о помощи (в том числе и социальной помощи) — это проявление скорее феминных качеств и она нежелательна для мужчины. В сочетании с высоким уровнем феминизации кадрового состава социальных служб и их ориентированностью на клиентов-женщин как более конформных, легче идущих на компромиссы, а также более понятных сотрудникам-женщинам, формируются условия исключения мужчин в области получения социальной помощи.

Мужчины при этом также могут нуждаться в социальной помощи, а в определенных ситуациях она им может быть просто необходима, например, мужчинам, «переживающим разрыв отношений в результате разво-

да, и тем, кто вернулся из мест боевых действий и переживает посттравматический синдром, мужчинам, подвергшимся насилию или демонстрирующим агрессивное поведение в отношении собственных жен или подруг, подросткам, которые подвергаются наркотизации или втягиваются в экстремистские группировки, и многим другим» [26].

Важно отметить, что родители вынуждены достаточно часто сталкиваться с государственными учреждениями социального обслуживания, соответственно, мужчины, вовлеченные в практики нового родительства, ответственного отцовства (делящие с матерью в равных долях заботу о ребенке) также часто могут с ними сталкиваться. Мужчинам необходим способ включения во взаимодействие с социальными службами. Это важно для реализации их родительской роли и может оказаться полезным в дальнейшем при возникновении трудных жизненных ситуаций, требующих участия социальных служб.

В Санкт-Петербурге на сегодняшний день действует несколько видов гендерно-чувствительных социальных сервисов в государственных учреждениях социального обслуживания семей и детей и в некоммерческих организациях.

В рамках системы государственных учреждений социального обслуживания семей и детей развернута широкая сеть отделений, деятельность которых направлена на помощь женщинам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации. Такие отделения действуют в каждом из 18 районов Санкт-Петербурга. В городе при этом существует всего одно специфическое отделение государственного учреждения социального обслуживания, деятельность которого можно назвать гендерно-чувствительной, и при этом ориентированной на поддержку отцов: отделение социальной защиты одиноких отцов Центра социальной помощи семье и детям Московского района. Еще одна более распространенная форма рабо-

ты гендерно-чувствительных государственных социальных сервисов — группы для будущих отцов (папа-группы). Они создаются и действуют во многих центрах социальной помощи семьям и детям. Первая папа-группа была организована на базе центра социальной помощи семье и детям Невского района осенью 2008 года.

В Санкт-Петербурге существует несколько общественных организаций, в которых действуют гендерно-чувствительные социальные сервисы: консультации и тренинги для мужчин, склонных к насилию, консультации для женщин, переживших насилие, школы для будущих отцов (папа-группы) и т. п. К числу общественных организаций, реализующих гендерно-чувствительные формы социальной работы, ориентированных на мужчин, можно отнести ОО «Северный путь», «Мужчины 21 века», «Хэсэд Авраам» и некоторые другие.

Папа-группы — одна из форм гендерно-чувствительной групповой социальной работы с мужчинами в области поддержки новых моделей родительства, которая реализуется в Санкт-Петербурге как на уровне государственных социальных служб, так и на уровне общественных организаций при активной поддержке государства. Концепция семейной политики в Санкт-Петербурге на 2012–2022 годы предусматривает «развитие программ повышения родительской компетентности и поддержки для отцов (папа-школы, клубы одиноких отцов, группы встреч и др.), повышение их доступности для молодых отцов всех районов города» [14]. Концепция, утвержденная Правительством Санкт-Петербурга, не выводит деятельность по поддержке молодых и будущих отцов исключительно в сферу государственных или только общественных социальных служб. Сформировавшись в рамках общественной организации, деятельность папа-групп осуществляется на сегодняшний день как общественными организациями, так и государственными социальными службами. Приоритетом является повышение доступности этого социального

сервиса путем распространения его во всех районах Санкт-Петербурга.

Папа-группы представляют собой клубы мужчин, объединенных общим интересом — подготовке к рождению ребенка, возможному присутствию отца на родах и активному участию отца в жизни ребенка в послеродовой период. Работа папа-групп организована как цикл встреч группы мужчин, на которых обсуждаются четыре основных темы: будущие роды, первые дни, первый месяц жизни ребенка, ответственное отцовство. Возможны дополнительные занятия по темам, которые выберут члены группы.

Работу группы организует модератор, к которому предъявляется обязательное требование: он сам должен быть уже состоявшимся отцом. Обсуждение тем, связанных с родительством, проходит в понятной для мужчин обстановке и легко воспринимаемом формате в рамках привычного гендерного контекста.

Своей целью папа-группы ставят донесение до будущих пап информации о возможностях участия в уходе за ребенком, приемлемости этого для мужчины, ценностях гендерного равенства и ответственного отцовства. Этим они создают предпосылки для формирования более равного распределения заботы о ребенке в семье, способствуют снижению гендерной поляризации обязанностей отца и матери и, в конечном итоге, способствуют распространению новых, более равноправных по сравнению с традиционными практик родительства.

Папа-группы способствуют вовлечению мужчин во взаимодействие с социальными службами, являясь низкопороговыми в гендерном аспекте социальными службами для мужчин. Встречи папа-групп проходят, как правило, на территории государственных учреждений социального обслуживания или некоммерческих социальных служб, иногда в женских консультациях. Мужчина на встречах узнает, на какую помощь социальной службы он может рассчитывать, а также приобретает первич-

ный опыт взаимодействия с ней. В дальнейшем этот опыт может послужить для преодоления мужчиной существующих барьеров доступа к социальной помощи.

1.8. Методы проведения исследования и сбора информации

Для полевого этапа исследования были сформулированы задачи:

- выявить ценности и практики в области родительства в современной России (на примере Санкт-Петербурга);

- определить степень, характер, потенциал и ограничения влияния гендерно-чувствительных форм работы социальных сервисов (на примере папа-групп) в области родительства на трансформацию ценностей и практик родительства (в частности отцовства).

Для реализации поставленных задач было проведено социологическое исследование, включающее три этапа сбора и анализа полевой информации.

Первый этап: сбор и анализ глубинных интервью с руководителями и модераторами гендерно-чувствительных социальных сервисов (папа-групп). Всего было проанализировано 4 интервью. Задачи первого этапа: выявление форм, целей работы папа-групп, предварительная оценка воздействия папа-групп на ценности и практики участников, разработка инструментария (анкеты) для следующих этапов исследования, сбор контактов участников папа-групп для применения на следующих этапах исследования.

По результатам первого этапа исследования было отобрано около 60 контактов мужчин, прошедших занятия в папа-школе. Был подготовлен репертуар вопросов для выпускников папа-школ и для репрезентативного опроса населения Санкт-Петербурга.

Второй этап: количественное исследование ценностей и практик родительства проживающих в

Санкт-Петербурге мужчин, имеющих детей. Сбор информации проводился по репрезентативной целевой квотной выборке в июне 2013 года. Квотирование было организовано по возрасту детей. Размер выборки — 404 респондента. Из них как минимум 155 мужчин имеют как минимум одного ребенка в возрасте от 0 до 4 лет, которые проживают с ними вместе, и как минимум 255 мужчин имеют как минимум одного ребенка в возрасте от 5 до 16 лет, которые проживают с ними вместе. Такие характеристики выборки обеспечивает максимальную ожидаемую статистическую погрешность одномерных распределений не более 5 % для уровня надёжности 95 %. В опрос были включены только мужчины для обеспечения сопоставимости результатов второго этапа исследования с результатами третьего этапа исследования для выявления влияния папа групп на ценности и практики в области родительства.

Задачи второго этапа: выявить ценности и практики в области родительства в современной России (на примере Санкт-Петербурга).

Третий этап: количественное исследование ценностей и практик родительства мужчин, прошедших занятия в папа-школах в Санкт-Петербурге в 2010–2013 годах. Всего было опрошено 40 мужчин, прошедших цикл занятий (по меньшей мере 2) в папа-школе, действующей при СПбГБУ «Центр социальной помощи семье и детям Красногвардейского района Санкт-Петербурга (36 респондентов) и в общественной организации «Хэсэд Авраам» (4 респондента).

Задачи третьего этапа: определить степень, характер, потенциал и ограничения влияния гендерно-чувствительных форм работы социальных сервисов (на примере папа-групп) в области родительства на трансформацию ценностей и практик отцовства.

ЧАСТЬ 2

Исследование ценностей и практик родительства проживающих в Санкт-Петербурге мужчин, имеющих детей

2.1. Эмпирическая база исследования

Размер выборки — 404 респондента. Все респонденты — мужчины, имеющие детей. Из них 194 мужчины имеют как минимум одного ребенка в возрасте от 0 до 4 лет, которые проживают с ними вместе, и 255 мужчин имеют как минимум одного ребенка в возрасте от 5 до 16 лет, которые проживают с ними вместе.

Среди опрошенных мужчин 320 респондентов имеет одного ребенка, 77 имеет двух детей, 5 — трех детей и два респондента заявили, что имеют четырех детей.

На диаграммах 1–3 представлено распределение детей опрошенных мужчин по возрасту.

В семьях респондентов, имеющих четверых детей, возраст двух старших детей составляет 10 и 12 лет и 9 и 12 лет.

На диаграмме 4 представлено процентное распределение опрошенных по уровню образования.

Как видно из представленных данных, больше половины опрошенных имеют высшее образование и около трети — среднее специальное. Это вполне ожидаемые значения.

На диаграмме 5 представлено процентное распределение опрошенных по степени материальной обеспеченности.

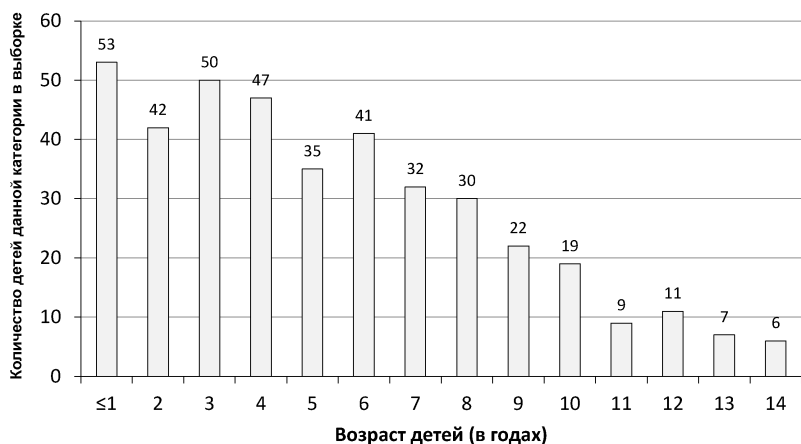

Диаграмма 1. Возраст младшего или единственного ребенка в семьях опрошенных мужчин

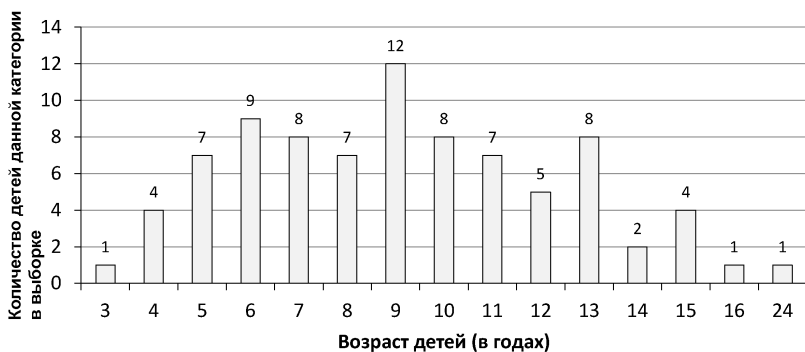

Диаграмма 2. Возраст ребенка, родившегося перед младшим, в семьях опрошенных мужчин (респонденты, имеющие двух и более детей)

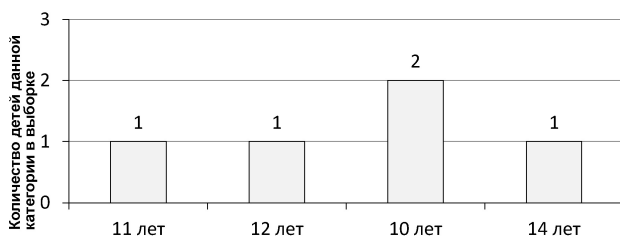

Диаграмма 3. Возраст старшего ребенка в семьях опрошенных мужчин (респонденты, имеющие трех детей)

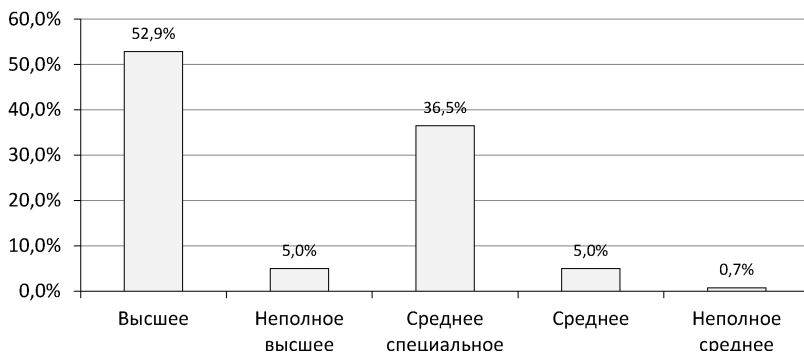

Диаграмма 4. Уровень образования респондентов

Диаграмма 5. Степень материальной обеспеченности семей респондентов

2.2. Ценности

Для выявления ценностей респондентов и определения места, которое занимает среди них семья, нами было выделено четыре группы ценностей:

- материальные ценности (работа, достаток);
- ценности, связанные с семьей (дети, семья, любовь);
- ценности самореализации.

2.2.1. Ценности, связанные с семьей

Наибольшее значение, как и ожидалось, респонденты придают ценностям, связанным с семьей и родительством. Как сторону жизни, имеющую максимальную ценность, семью оценили 92,8 % респондентов. На диаграмме 6 представлено распределение оценок семьи как жизненной ценности в процентах (1 — минимальная оценка, 6 — максимальная).

Полученные данные согласуются с данными ВЦИОМа, которые указывают на то, что «в рейтинге главных жизненных целей, которые ставят перед собой россияне, лидирует именно создание счастливой семьи и воспитание детей» [24]. В общероссийских исследованиях 93 % опрошенных считают семью наиболее приоритетной ценностью.

Оценка значимости детей практически идентична оценке семьи и также, соответственно является высокой. Поскольку в опросе принимали участие мужчины, которые постоянно живут с детьми, вероятно, они отождествляли семью и детей, рассматривая их как обязательный элемент их семьи. Этим объясняется практически полное совпадение их оценок.

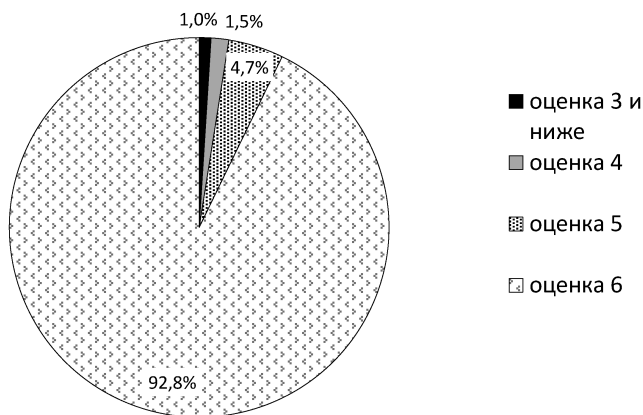

Диаграмма 6. Ценности: семья

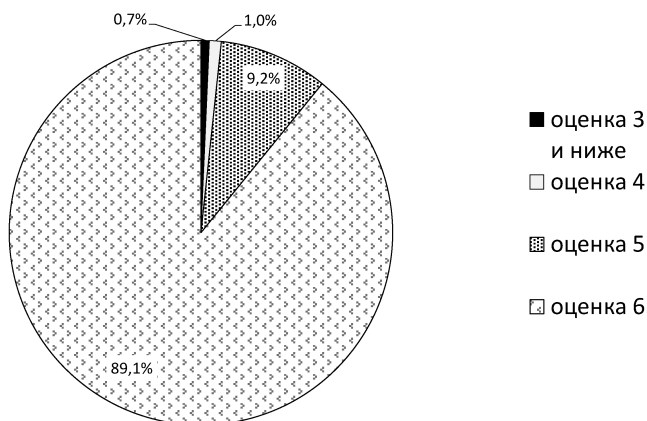

Диаграмма 7. Ценности: дети

На диаграмме 7 представлено распределение оценок детей как жизненной ценности в процентах (1 — минимальная оценка, 6 — максимальная).

Обращает на себя внимание высокий процент поставивших высшую оценку значимости семьи и детей в своей жизни. Это говорит о том, что данные сферы жизни обладают наивысшей ценностью, и респонденты не видят для себя возможности от них отказаться ни при каких обстоятельствах.

Распределение оценок любви как жизненной ценности отличается от оценки семьи и детей. Ей также большинство респондентов придают максимальное значение, однако процент респондентов, поставивших ей оценку «5» из шести возможных уже значительно повышается и составляет 73,3 %. На диаграмме 8 представлено распределение оценок любви как жизненной ценности в процентах (1 — минимальная оценка, 6 — максимальная).

Любовь является значимой, но ее оценки демонстрируют большую пластичность по сравнению с оценками семьи и детей, что выражается в значительном количестве респондентов присвоивших ей оценку «5» и ниже.

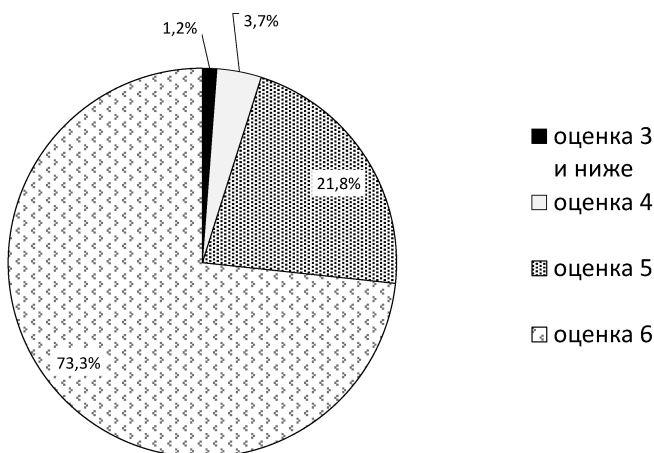

Диаграмма 8. Ценности: любовь

Пластичность оценки означает, что при определенных обстоятельствах респонденты готовы пренебречь этой ценностью в пользу других ценностей. Однако, учитывая характер оценок, следует отметить, что от любви респонденты готовы отказаться только в самом крайнем случае.

2.2.2. Материальные ценности

Значимость материального благополучия (достатка) в жизни респонденты оценивают ожидаемо достаточно высоко, однако пластичность данной ценности оказалась еще выше (хоть и незначительно), чем пластичность ценности любви, семьи и детей.

На диаграмме 9 представлено распределение оценок достатка (материального благополучия) как жизненной ценности в процентах (1 — минимальная оценка, 6 — максимальная).

Значимость работы как жизненной ценности оказалась также высокой, однако значительно ниже семейных ценностей. Оценка работы близка по своим параметрам к оценке достатка, однако доля респондентов, присвоивших ей оценку «5» из шести и ниже оказалась

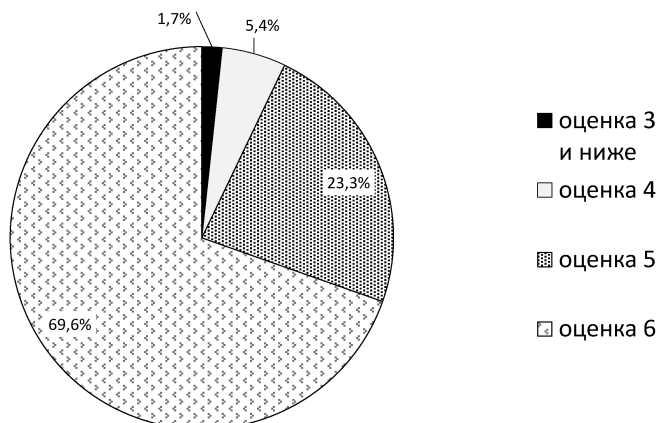

Диаграмма 9. Ценности: достаток (материальное благополучие)

еще больше. Работа выступает, с одной стороны, способом обеспечения достатка, с другой стороны, она может быть средством самореализации человека. Как видно из полученных данных, работа в целом высоко оценивается респондентами, но при этом для 43,6 % респондентов не является тем, что они считают для себя наиболее приоритетным, и от чего они при определенных обстоятельствах готовы отказаться. На диаграмме 10 представлено распределение оценок работы как жизненной ценности в процентах (1 — минимальная оценка, 6 — максимальная).

Полученные данные представляются нам значимыми в контексте оценки перспектив распространения практики активного участия отца в уходе за ребенком. При определенных (правда, стоит отметить, что только при крайне серьезных) обстоятельствах около 30 % мужчин могли бы отказаться от достигнутого уровня достатка и работы в пользу тех ценностей, которые имеют наивысшую значимость, в частности в пользу семьи и детей.

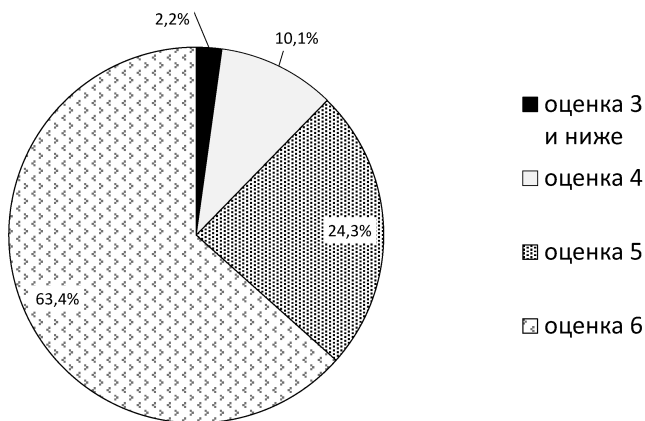

Диаграмма 10. Ценности: работа

2.2.3. Самореализация как ценность

Особый интерес в контексте анализа трансформации ценностей представляет отношение к такому аспекту жизни, как самореализация. Повышение значимости ценностей самореализации в соответствии с теорией Р. Инглхарта может считаться показателем перехода к постиндустриальному обществу. В нашем исследовании ценность самореализации является одной из наиболее низко оцениваемых ценностей.

На диаграмме 11 представлено распределение оценок самореализации как жизненной ценности в процентах (1 — минимальная оценка, 6 — максимальная).

Только половина респондентов считает самореализацию приоритетной ценностью для себя. Значительны доли респондентов, присвоивших самореализации в своих жизненных проектах оценки «5» и даже «4». Такое распределение ответов говорит о том, что самореализация пока не стала для российского общества приоритетной ценностью, сопоставимой по значимости с достатком, работой (материальные ценности) и оно пока только движется в сторону постиндустриального общества.

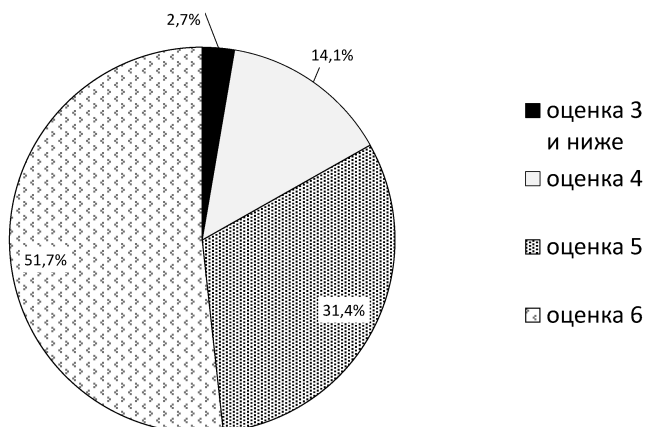

Диаграмма 11. Ценности: самореализация

При этом важно подчеркнуть, что более чем для 50 % респондентов самореализация все-таки является наиболее высоко оцениваемой ценностью.

2.3. Компоненты родительства

Респондентам был задан вопрос, что является для них наиболее важным в том, что они являются родителями. Процентное соотношение наиболее частых ответов респондентов представлено на диаграмме 12.

Как видно из представленных данных, наибольшее значение имеют для отцов чувство ответственности за ребенка (27,7 %), любовь к ребенку (23,1 %) и эмоциональное удовольствие от общения с ребенком (20,5 %). Такой выбор говорит об осознании значительной частью (практически 1/3) отцов ответственности за своего ребенка, причем осознание ответственности превышает даже любовь к ребенку. Выделение ответственности как наиболее важной черты родительства говорит о том, что отношение к родительству в значительной степени продвинулось в сторону ответственного родительства. В то

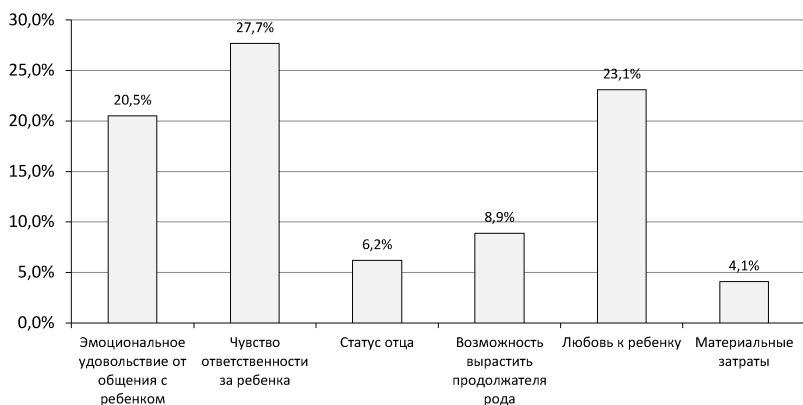

Диаграмма 12. Распределение ответов на вопрос «Вы родитель. Что в этом является самым важным для Вас?»

же время статистически значимых зависимостей от других переменных, таких как образование или материальная обеспеченность, не наблюдается.

Два других параметра родительства, которые опрошенные мужчины посчитали наиболее важными — это эмоциональное удовольствие от общения с ребенком и любовь к ребенку. В общей сложности эти параметры выделяются как наиболее важные более чем в 40 % случаев.

Важно отметить, что материальные затраты рассматриваются лишь незначительной частью мужчин как важная составляющая родительства.

2.4. Практики родительства

2.4.1. Практики родительства: нормативная модель распределения обязанностей

Наряду с содержанием родительства для мужчин следует обратить внимание на гендерный аспект родительских ролей и нормативную модель представлений отцов о том, как должно быть организовано разделение обязанностей между отцом и матерью в семье. Это нор-

мативный аспект гендерного разделения обязанностей в семье.

Мы постарались выявить, какая модель семьи для современных мужчин является ориентиром: традиционная или новая. Наиболее показательными в этом контексте мы посчитали следующие параметры:

- забота о материальном благополучии семьи;
- устройство быта;
- уход и присмотр за детьми;
- воспитание детей.

В рамках традиционной модели распределения обязанностей в семье мужчины должны, скорее всего, выбирать для себя в качестве наиболее подходящего такой вид деятельности, как забота о материальном благополучии семьи, а женщины — уход и присмотр за детьми и их воспитание.

Модель модернизированного родительства предполагает снижение поляризации родительских ролей, соответственно, по всем выделенным параметрам мужчины, реализующие практики нового или ответственного отцовства и родительства, должны выбирать примерно равное или стремящееся к равному распределение обязанностей.

На диаграмме 13 представлено распределение в процентах ответов на вопрос о том, кто из родителей должен заниматься обеспечением материального благополучия. При этом 1 соответствует «не должен (не должна) этим заниматься», 6 — «должен (должна) много этим заниматься». Вопрос задавался в отношении отца и в отношении матери отдельно.

Из представленных данных очевидно, что доминирующим остается представление о том, что отец обязательно должен быть кормильцем семьи и ни при каких условиях не может от этого отказаться. В то же время для матери эту сферу видят в качестве обязательной только 30,7 % опрошенных, еще 23,5 % поставили ей оценку «5», что означает, что забота о материальном

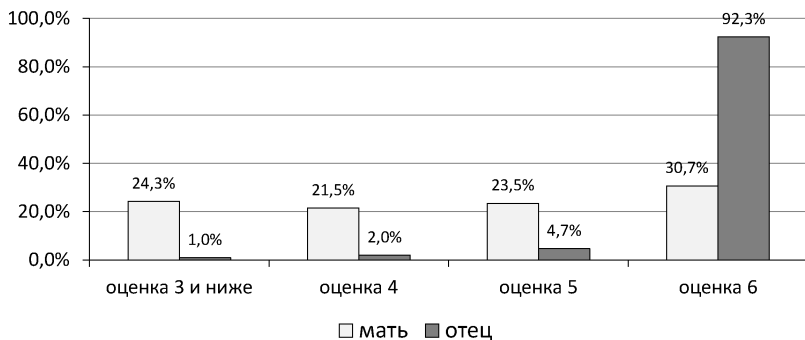

Диаграмма 13. Распределение ответов на вопрос «Кто из родителей должен заниматься обеспечением материального благополучия семьи?»

благополучии семьи для матери является крайне желательной, но не необходимой. В общей сложности более 53 % опрошенных считают, что мать ребенка должна работать, правда, в отличие от отца, может при определенных (крайне нежелательных) условиях отказаться от этого. Обращает также на себя внимание очень высокий процент респондентов, выбравших очень низкие оценки (3 и ниже) соответствия для матери деятельности по материальному обеспечению семьи. Это одно из самых высоких значений низких оценок во всем блоке вопросов о практиках родительства. При этом практически все респонденты, выбравшие для женщины оценку 4 и ниже (более 45 % респондентов) считают, что для отца материальное обеспечение семьи обязательно (оценка «6»).

На диаграмме 14 представлено распределение в процентах ответов на вопрос о том, кто из родителей должен заниматься устройством быта. При этом 1 соответствует «не должен (не должна) этим заниматься», 6 — «должен (должна) много этим заниматься». Вопрос задавался в отношении отца и в отношении матери отдельно.

Деятельность по устройству быта не была отнесена нами к числу наиболее жестко гендерно поляризованных

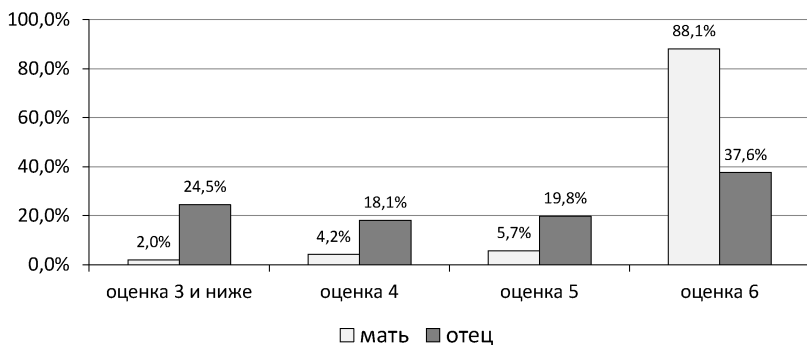

Диаграмма 14. Распределение ответов на вопрос «Кто из родителей должен заниматься устройством быта?»

в традиционной семье. Из полученных ответов, однако, видно, что мужчины в представлениях о гендерном разделении обязанностей в данной сфере все же отдают приоритет женщинам. Так, 24,5 % мужчин присвоили данной деятельности оценку «3» или более низкую для отца в семье. При этом оценка «6» («должна много этим заниматься») присвоена опрошенными в 88,1 % ответов для матерей (еще в 5,7 % ответов присвоена оценка «5»).

На диаграммах 15 и 16 представлено распределение в процентах ответов на вопросы о том, кто из родителей должен заниматься уходом и присмотром за детьми (диаграмма 15) и воспитанием детей (диаграмма 16). При этом 1 соответствует «не должен (не должна) этим заниматься», 6 — «должен (должна) много этим заниматься». Вопрос задавался в отношении отца и в отношении матери отдельно.

Как видно из полученных данных, деятельность по воспитанию и уходу и присмотру за детьми (это фактически два компонента практик родительства) считаются опрошенными мужчинами в несколько большей степени подходящими для матерей. Оценка «6» («мать должна много этим заниматься») присвоена в 87,6 % ответов для ухода и присмотра за детьми и в 88,1 % ответов для воспитания детей. Мужчины при этом считают

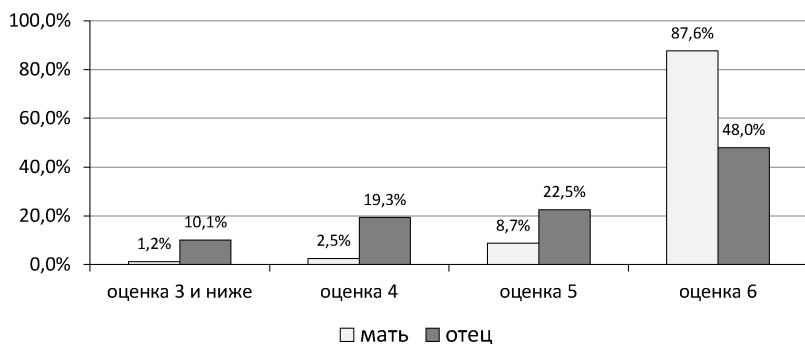

Диаграмма 15. Распределение ответов на вопрос «Кто из родителей должен заниматься уходом и присмотром за детьми?»

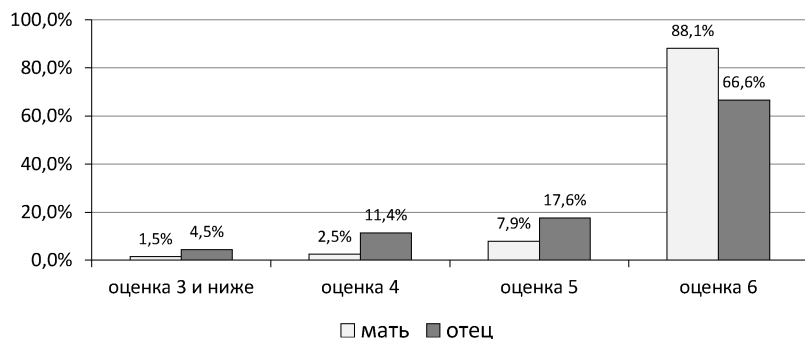

Диаграмма 16. Распределение ответов на вопрос «Кто из родителей должен заниматься воспитанием детей?»

необходимым и свое участие в практиках родительства. В большей степени — в практиках воспитания — 83,6 % опрошенных (оценки соответствия данных практик роли отца «5» и «6» из 6 возможных), в несколько меньшей — в практиках ухода и присмотра за детьми — 70,5 % опрошенных (оценки соответствия данных практик роли отца «5» и «6» из 6 возможных). Опрошенные считают, что в практики родительства должны быть включены и отец и мать. Выделяются два различия в распределении оценок соответствия данных практик для отца и матери. Первое различие: для от-

цов характерна статистически значимо меньшая оценка необходимости включения в практики воспитания и ухода и присмотра за детьми, чем для матерей. Второе различие касается значительно большей пластичности оценок необходимости участия отцов в данных практиках.

Из представленных данных видно, что среди опрошенных преобладает представление о традиционной модели распределения обязанностей в семье (мужчина — кормилец и женщина, занимающаяся домашней работой, воспитанием и заботой о детях) как о наиболее приемлемой. В то же время, существующие представления о распределении обязанностей между родителями отличаются от традиционных в части большего, чем это предполагает традиционная модель распределения родительских ролей, участия мужчины в воспитании детей и уходе за ними. Роль отца в этих практиках по результатам опроса оказалась намного пластичнее роли матери, однако само включение этих практик в нормативную модель отцовства опрошенными мужчинами, говорит о движении в сторону более равного деления обязанностей между родителями, чем это предполагалось в рамках традиционной модели родительства.

Обобщая приведенные данные, можно сказать, что в представлениях современных петербургских отцов нормативная модель распределения обязанностей в семье в большой степени соответствует традиционной модели распределения родительских обязанностей между отцом и матерью, но включает важные элементы модели более равного распределения обязанностей в семье.

2.4.2. Практики родительства: оценка включенности отцов

Представляется важным обратить внимание на реальное вовлечение отцов в активное участие в практиках родительства.

Оценка включения отцов в участие в практиках родительства производилась по трем основным параметрам:

— количество времени, которое респонденты посвящают своему ребенку;

— оценка респондентами частоты различных видов деятельности, связанных с воспитанием ребенка и заботой о нем;

— участие в деятельности, значимой для ребенка, но в рамках традиционной модели родительства относящейся к обязанностям матери.

Количество времени, затрачиваемое, по оценкам опрошенных, ими на своих детей за неделю в среднем, представлено на диаграмме 17.

Видно, что меньше половины опрошенных отцов (42 %) посвящают сейчас в неделю своему ребенку более 24 часов своего времени. С одной стороны, такое количество отцов, тратящих более 15 % своего времени на заботу о ребенке и его воспитание — достаточно много. С другой стороны, это говорит о низкой вовлеченности в активные практики родительства более половины опрошенных отцов (для 42 % опрошенных о крайне низкой вовлеченности).

Количественная характеристика времени, затрачиваемого отцами на заботу о ребенке, должна быть дополнена качественным анализом его наполнения.

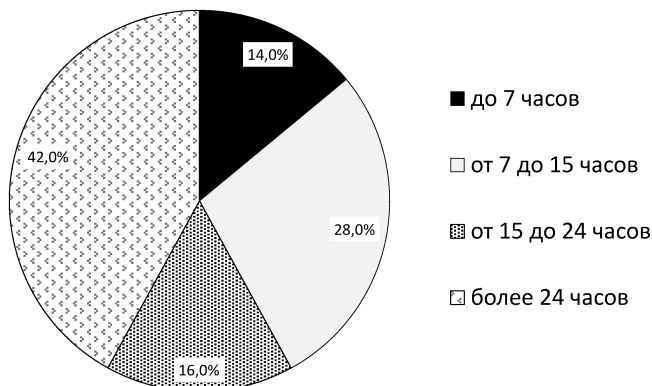

Диаграмма 17. Количество времени, которое опрошенные мужчины посвящают своим детям в среднем в неделю

На первом этапе исследования были выделены для анализа следующие практики заботы о детях и их воспитания:

- игры с ребенком;
- прогулки;
- приготовление еды для ребенка;
- физический уход за ребенком (в том числе купание и смена памперсов);
- разговоры с ребенком на личные темы;
- совместная работа по дому, на даче, походы в магазин.

Распределение (в процентах) ответов на вопросы о частоте, с которой опрошенные отцы осуществляют данные практики, представлено на диаграммах 18—23.

Из представленных на диаграммах данных видно, что в среднем примерно 60 % мужчин определенным образом вовлечены в осуществление таких практик заботы о детях, как прогулки, игры с ребенком, разговоры на личные темы, совместные занятия и походы в магазины. Такие данные получены суммированием ко-

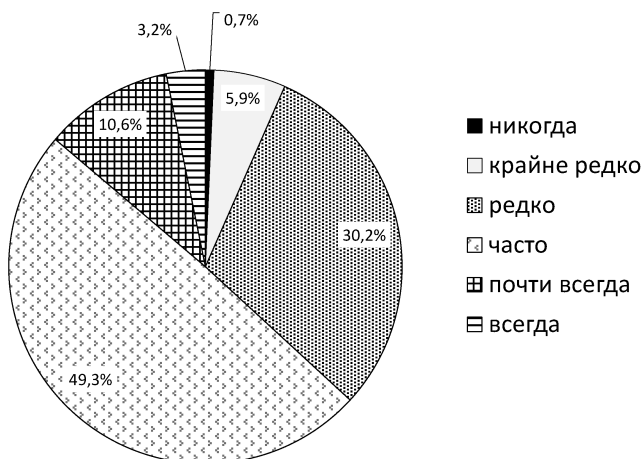

Диаграмма 18. Распределение ответов на вопрос «Как часто Вы играете с ребенком?»

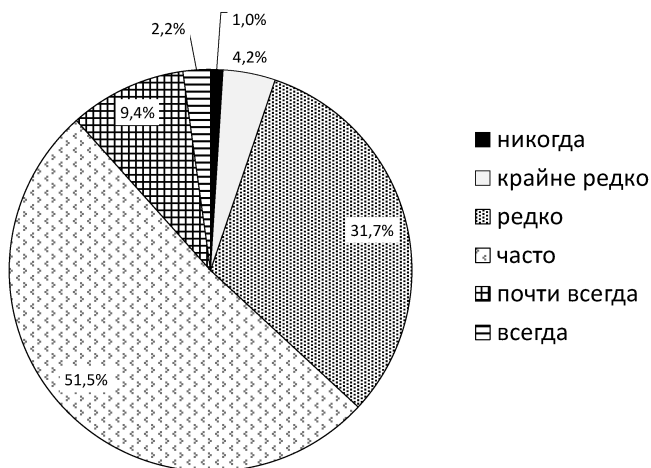

Диаграмма 19. Распределение ответов на вопрос «Как часто Вы ходите на прогулки с ребенком?»

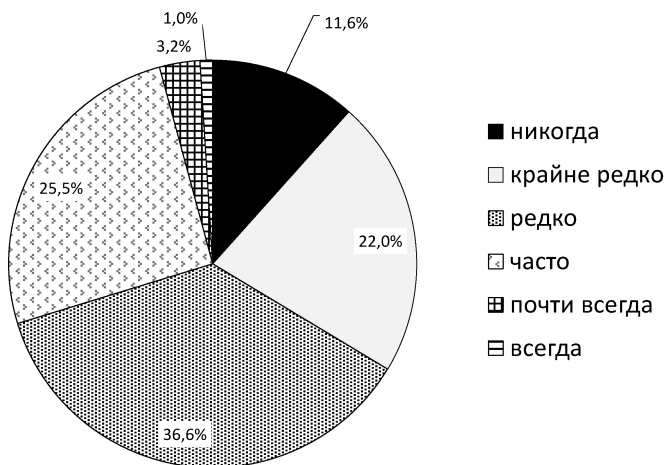

Диаграмма 20. Распределение ответов на вопрос «Как часто Вы готовите еду для ребенка?»

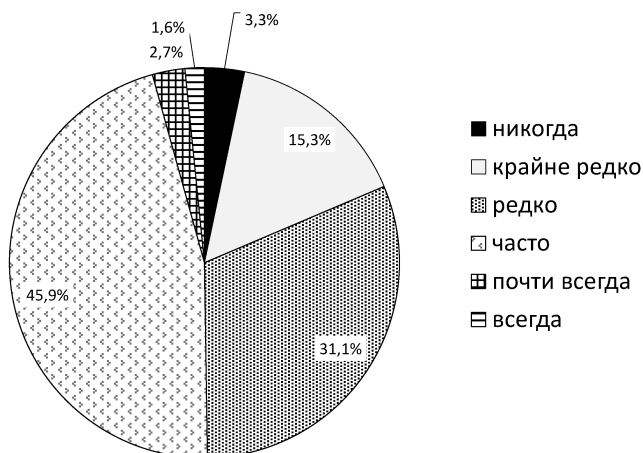

Диаграмма 21. Распределение ответов на вопрос «Как часто Вы осуществляете физический уход за ребенком (например, смена памперсов, купание)?». (Вопрос задавался только тем респондентам, которые имеют детей в возрасте 4 года и младше.)

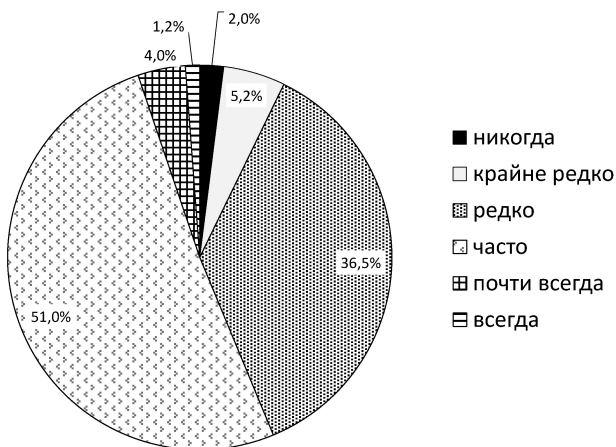

Диаграмма 22. Распределение ответов на вопрос «Как часто Вы разговариваете с ребенком на личные темы?». (Вопрос задавался только тем респондентам, которые имеют детей в возрасте 5 лет и старше.)

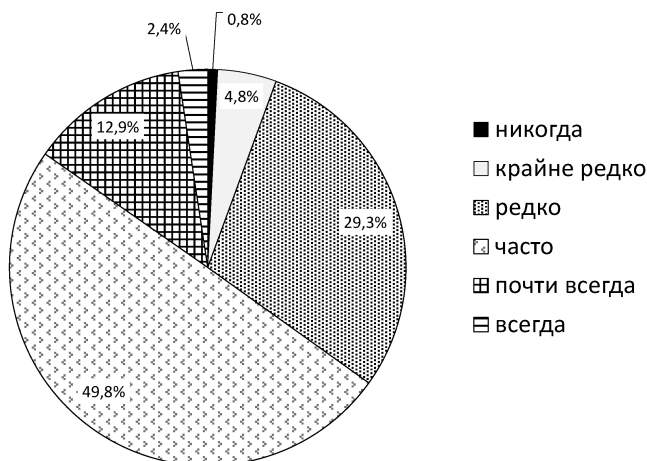

Диаграмма 23. Распределение ответов на вопрос «Как часто Вы с ребенком совершаете совместную работу по дому, на даче, ходите в магазин?» (Вопрос задавался только тем респондентам, которые имеют детей в возрасте 5 лет и старше.)

личества осуществляющих эти практики всегда, почти всегда и часто.

Более низкие количественные показатели вовлеченности отцов характеризуют практики приготовления пищи для ребенка (29,7 % опрошенных вовлечены) и физический уход за ним (вовлечены около 50 % респондентов). Низкий процент респондентов, участвующих в приготовлении пищи, может быть объяснен необходимостью определенных навыков, которыми мужчины располагают в российском обществе достаточно редко. Относительно низкое участие отцов в практиках физического ухода за ребенком может быть объяснено, с нашей точки зрения, влиянием традиционной модели распределения обязанностей между родителями.

По результатам анализа вовлеченности отцов в различные виды практик родительства можно сделать вывод, что значительная часть отцов вовлечена в достаточно широкий диапазон практик заботы и воспитания. Важным аспектом анализа вовлеченности отцов в прак-

тики заботы о детях является анализ качества их вовлечения. Большая часть ответов, продемонстрировавших вовлеченность, представляет собой ответ «часто» в шестичастной шкале, варианты ответов в которой расположены от варианта «никогда» до варианта «всегда». Ответ «часто» располагается у центра шкалы и характеризует минимальное положительное значение признака. Следующий за ним в шкале вариант ответа «редко» характеризует минимальное отрицательное значение признака. Полученные данные, как видно из приведенных диаграмм, характеризуют качество вовлечения отцов в практики родительства в большей части как находящиеся на уровне минимально положительного признака «часто». Это значит, что опрошенные отцы обозначили, что в практиках родительства им участвовать приходится, но не постоянно и не всегда.

Если проанализировать ответы, характеризующие более интенсивное вовлечение отцов в практики родительства (суммарное количество ответов «почти всегда» и «всегда»), то становится очевидной значительно более низкая вовлеченность в активные родительские практики (от 4,2 % — приготовление еды для ребенка, до 15,3 % — совместная работа по дому, на даче, походы в магазин).

Стоит также упомянуть значительную часть опрошенных, которые указали, что они «редко» или «крайне редко» осуществляют практики заботы о детях. В вопросах о различных практиках доля таких респондентов колеблется от 35 до 50 %. Это говорит о том, что около 1/3 отцов слабо или крайне слабо вовлечены в родительские практики.

Оценку затрачиваемого на родительство времени и его качественное наполнение дополняет оценка готовности участвовать в деятельности, значимой для ребенка, но в рамках традиционной модели родительства относящейся к обязанностям матери.

Распределение в процентах ответа на вопрос «Если с ребенком надо пойти на прием к врачу, в детский сад и т. п., кто это будет делать в Вашей семье?» представлено на диаграмме 24. Выбирая ответ «другое», респонденты чаще всего говорили о том, что они пойдут совместно с супругой или попросят родственников.

Из диаграммы видно, что подавляющее большинство респондентов (всего 75,7 %, складывающееся из количества тех, кто выбрал вариант ответа «в основном супруга» и «в зависимости от занятости на работе я или супруга, но чаще супруга») не участвуют в данном виде практик заботы о ребенке, делегируя их своему партнеру, что в целом соответствует модели разделения обязанностей в рамках традиционного варианта родительства, а также отражает низкую готовность мужчин к взаимодействию с социальными сервисами, которая описана в разделе данного исследования, посвященному гендерно-чувствительным социальным сервисам.

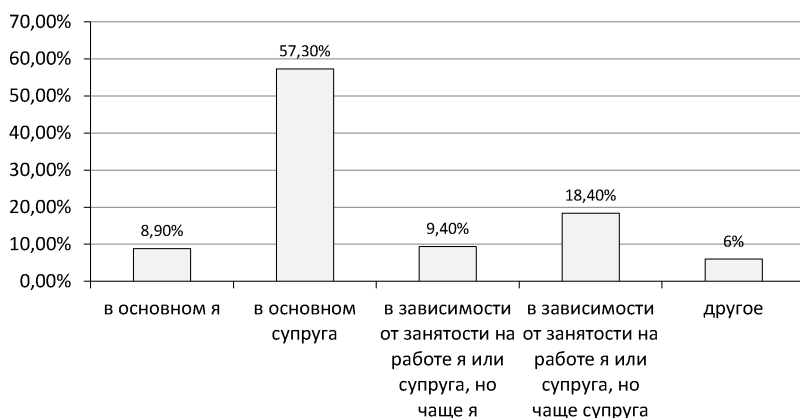

Диаграмма 24. Распределение ответов на вопрос «Если с ребенком надо пойти на прием к врачу, в детский сад и т. п., кто это будет делать в Вашей семье?»

2.5. Отношение к праву отца брать отпуск по уходу за ребенком

В ходе процессов трансформации института родительства и дефамилизации женщин, вовлечения мужчин в активное участие в родительских практиках значительное внимание в европейских странах уделяется созданию равных условий для отца и матери в участии в заботе о ребенке в первые годы жизни: отпуск по уходу за ребенком может быть предоставлен как матери, так и отцу. Российское законодательство на сегодняшний день предусматривает такую возможность, однако отцы практически ей не пользуются.

На диаграмме 25 представлено процентное распределение ответов на вопрос «как лучше распорядиться отпуском по уходу за ребенком», кому лучше его брать. В большинстве случаев ответ «другое» соответствует значению «берут оба родителя одновременно».

Распределение ответов продемонстрировало скептическое отношение респондентов к возможности воспользоваться отпуском по уходу за ребенком (64 %).

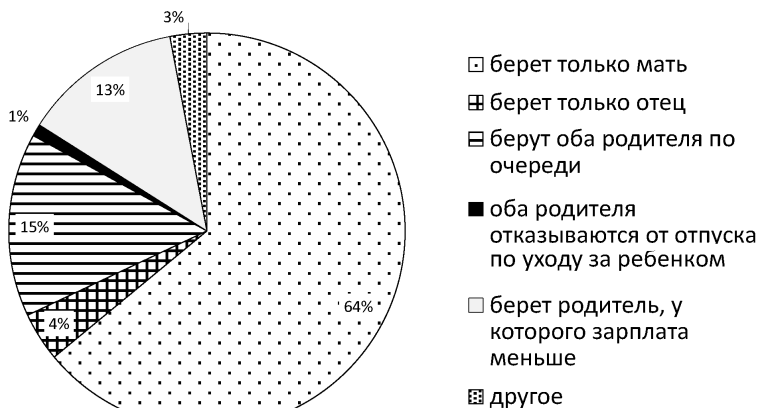

Диаграмма 25. Распределение ответов на вопрос «В отпуск по уходу за ребенком могут уходить как мать, так и отец. Как, по Вашему мнению, лучше распорядиться этим отпуском?»

13 % респондентов считают, что отпуском по уходу за ребенком должен пользоваться родитель с меньшими доходами, что часто означает также мать ребенка (у женщин зарплата чаще оказывается меньше, чем у мужчин).

При этом 15 % респондентов заявили, что считают приемлемым и для отца и для матери по очереди брать отпуск по уходу за ребенком, а 4 % посчитали, что его предпочтительнее брать отцу. Небольшие группы, поддерживающие равное использование отпуска по уходу за ребенком — это также потенциал изменений родительских практик.

ЧАСТЬ 3

Исследование ценностей и практик родительства мужчин, прошедших занятия в папа-школах в Санкт-Петербурге в 2010–2013 годах

3.1. Эмпирическая база исследования

Размер выборки 40 респондентов. Все респонденты — мужчины, на момент проведения исследования имеющие детей и прошедшие цикл занятий (по меньшей мере 2) в папа-школе, действующей при СПбГБУ «Центр социальной помощи семье и детям Красногвардейского района Санкт-Петербурга (36 респондентов) и в общественной организации «Хэсэд Авраам» (4 респондента). Из них 27 мужчин имеют одного ребенка и 13 мужчин имеют 2 детей, которые проживают с ними вместе.

Объем выборки третьего этапа исследования, к сожалению, не позволяет говорить о строгом соответствии критерию репрезентативности по отношению ко всем выпускникам папа-групп. Такой размер выборки связан со сложностями доступа к части респондентов, отобранных для опроса и ограниченным числом участников папа-школ. Всего за 5 лет через папа-группы в Санкт-Петербурге прошло около 600 человек, однако не все они посетили хотя бы три встречи группы. Характер третьего этапа исследования является разведывательным. Выборка в 40 респондентов при генеральной совокупности около 600 человек соответствует критериям надежности разведывательного исследования.

Основной задачей третьего этапа исследования влияния гендерно-чувствительных форм работы социальных сервисов на трансформации ценностей и практик родительства в современной России являлся сбор информации об индивидах, взаимодействовавших с гендерно-чувствительными социальными сервисами для сравнения показателей, отражающих ценности и практики родительства с данными, полученными на этапе массового репрезентативного опроса, характеризующими ценности и практики родительства в Санкт-Петербурге.

Это позволит определить наличие и характер влияния гендерно-чувствительных форм работы социальных сервисов на трансформации ценностей и практик родительства.

Также была поставлена задача проанализировать проблемы, которые возникали в процессе взаимодействия с гендерно-чувствительным социальным сервисом, определить пути совершенствования его работы.

3.2. Результаты исследования мужчин, прошедших папа-группы

Уровень образования и уровень доходов опрошенных выпускников папа-школ оказался несколько выше, чем у респондентов, опрошенных в ходе второго этапа исследования. Уровень образования и материальной обеспеченности представлен на диаграммах 26 и 27 соответственно.

Практически все опрошенные отцы узнали о папа-группах от жены, которая получила, в свою очередь, информацию в женской консультации.

Большинство опрошенных отцов отмечают, что в содержании занятий и их форме им понравилось все, занятия в папа-группе оказались очень полезными. Можно привести слова респондента из открытого вопроса, характеризующие положительное отношение к папа-группе: «Получил из общения с папами в школе уве-

ренность, до этого абсолютно был «пустой». Негативную оценку работы группы высказал всего один респондент.

Проблемы папа-групп респонденты видят в «ограниченном доступе к папа-группам», сложности получения информации о них. Более 40 % респондентов в открытом вопросе о том, какие улучшения необходимо внести в работу папа-группы ответили «нужно больше рекламы».

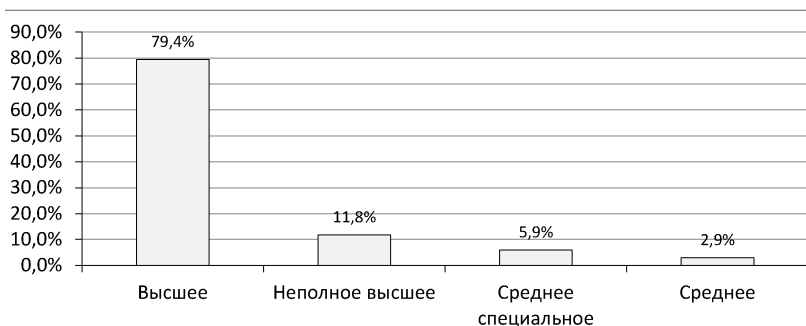

Диаграмма 26. Уровень образования опрошенных, прошедших занятия в папа-группах

Диаграмма 27. Степень материальной обеспеченности семей опрошенных, прошедших занятия в папа-группах

В проанализированных данных выпускников папа-школ значимость семейных ценностей оказалась ниже, чем в исследовании отцов, не прошедших папа-группы. Оценку «6» из 6 семье присвоили только 53 % респондентов (еще 30 % присвоили ей оценку «5»). Также значительно ниже оценка значимости детей: 60 % — оценка «6», 20 % — оценка 5. Оценка любви выпускниками папа-групп примерно совпадает с оценкой, полученной во втором этапе исследования, но она при этом демонстрирует гораздо большую пластичность. На диаграмме 28 представлено распределение оценок любви как жизненной ценности выпускников папа-школ в процентах (1 — минимальная оценка, 6 — максимальная).

Распределение оценок материальных ценностей значимо ни количественно, ни структурно не отличается от данных, полученных по выборке второго этапа исследования.

Оценка значимости ценности самореализации у выпускников папа-школ заметно ниже оценок, полученных в результате анализа выборки второго этапа исследования.

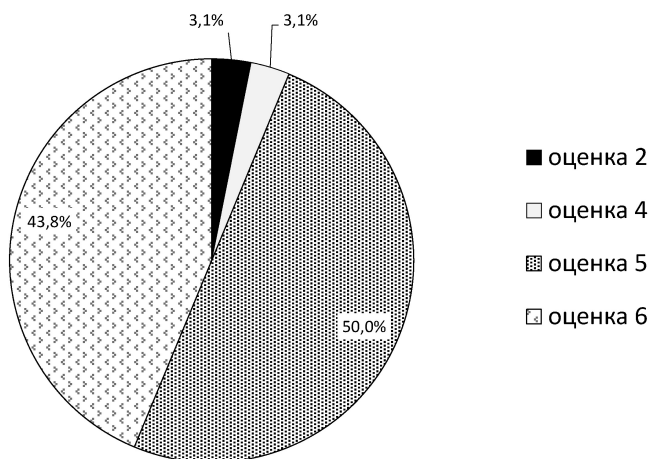

Диаграмма 28. Ценности респондентов, прошедших занятия в папа-группах: любовь

дования. На диаграмме 29 представлено распределение оценок самореализации как жизненной ценности в процентах у выпускников папа-школ (1 — минимальная оценка, 6 — максимальная).

Полагаем, что особенности значимости ценностей у выпускников папа-школ не подверглись влиянию взаимодействия с папа-школой, поскольку распространение изменений ценностных установок, которые наблюдаются при сопоставлении анализа ценностей в репрезентативной выборке отцов, не прошедших папа-школу и ее выпускников, не входит в задачи папа-школ. Скорее такое несовпадение ценностей может быть связано с небольшим объемом выборки выпускников папа-школ.

Распределение значимости компонентов родительства для мужчин прошедших папа-группы в основном совпадает со значениями, полученным в ходе анализа выборки второго этапа исследования. Наиболее значимым является чувство ответственности за ребенка, любовь к ребенку и эмоциональное удовольствие от общения с ребенком.

Характеристики нормативной модели распределения обязанностей родителей в представлениях выпускников

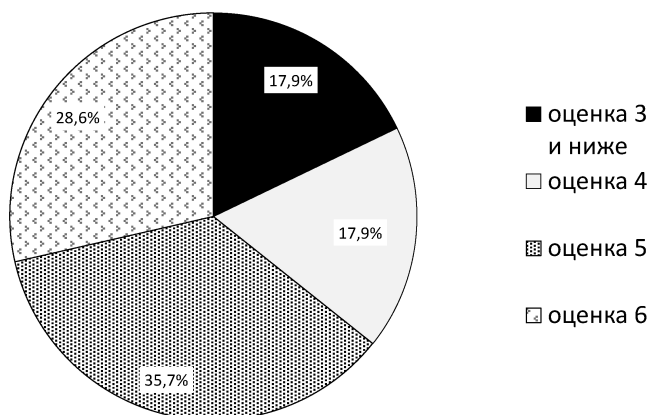

Диаграмма 29. Ценности респондентов, прошедших занятия в папа-группах: самореализация

папа-школ в области заботы о материальном благополучии семьи, заботы об устройстве быта, ухода и присмотра за детьми и воспитания детей, представлены на диаграммах 30, 31, 32 и 33 соответственно.

Как видно из приведенных диаграмм, среди выпускников папа-школ, также как и среди респондентов выборки второго этапа исследования, наиболее распро-

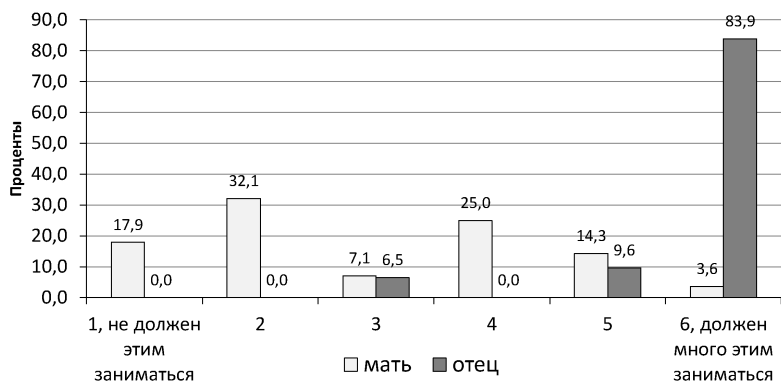

Диаграмма 30. Распределение в процентах ответа на вопрос «Кто из родителей должен заниматься обеспечением материального благополучия?» При этом 1 соответствует «не должен (не должна) этим заниматься», 6 — «должен (должна) много этим заниматься».

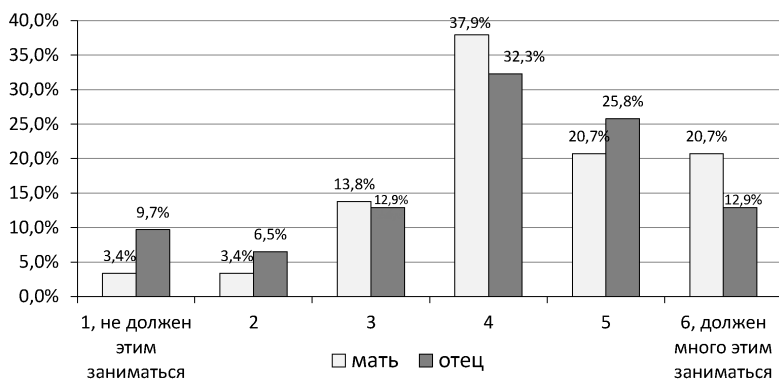

Диаграмма 31. Распределение в процентах ответов на вопрос «Кто из родителей должен заниматься устройством быта?» При этом 1 соответствует «не должен (не должна) этим заниматься», 6 — «должен (должна) много этим заниматься».

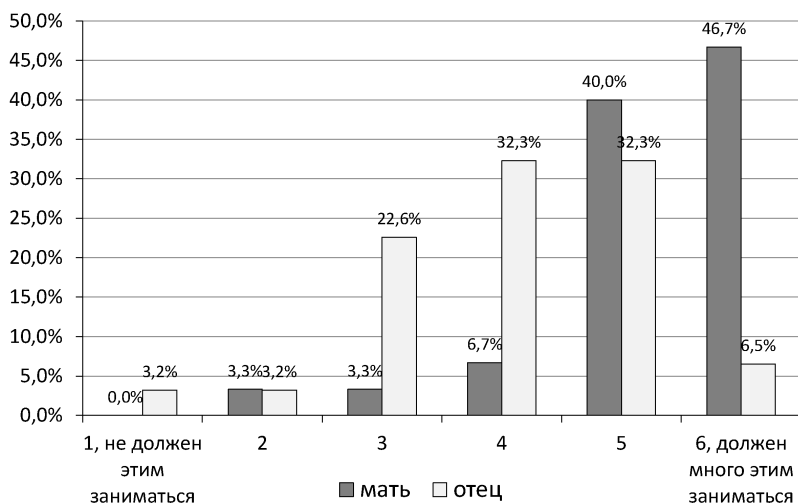

Диаграмма 32. Распределение в процентах ответов на вопрос «Кто из родителей должен заниматься уходом и присмотром за детьми?» При этом 1 соответствует «не должен (не должна) этим заниматься», 6 — «должен (должна) много этим заниматься»

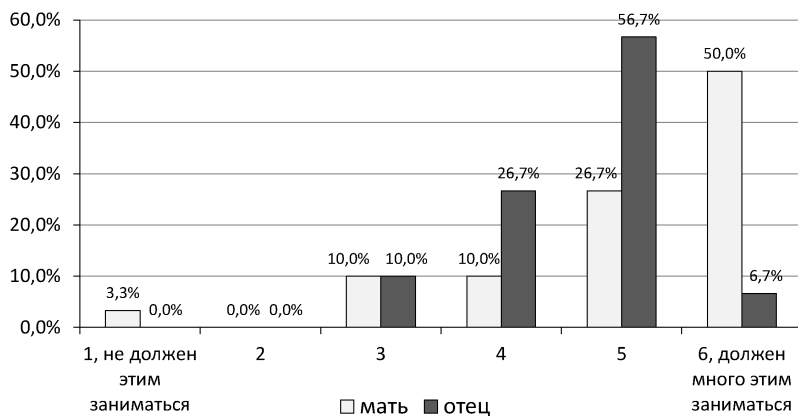

Диаграмма 33. Распределение в процентах ответов на вопрос «Кто из родителей должен заниматься воспитанием детей?» При этом 1 соответствует «не должен (не должна) этим заниматься», 6 — «должен (должна) много этим заниматься»

страненной является традиционная модель распределения родительских ролей: мужчина — добытчик, женщина преимущественно занимается детьми и домом. Более равное распределение обязанностей в представлениях выпускников папа-школ характеризует сферу устройства быта и воспитание. В области ухода и присмотра за детьми нормативная модель распределения родительских обязанностей в представлениях выпускников папа-школ даже в большей степени соответствует традиционной модели, чем в представлениях опрошенных в рамках второго этапа исследования мужчин.

Сопоставление затрат времени, которое мужчины, прошедшие курс папа-школы, посвящают своему ребенку, с затратами времени респондентов второго этапа исследования демонстрирует невысокие количественные оценки участия большинства выпускников папа-школ в заботе о своем ребенке. Они тратят на общение с детьми столько же или даже меньше времени, чем мужчины, не прошедшие папа-группу и опрошенные на втором этапе исследования. Сопоставление затрат времени мужчин, опрошенных на втором этапе исследования (не прошедшие папа-группу), и мужчин, опрошенных на третьем этапе исследования, представлено на диаграмме 34. Обращает на себя внимание значительная разница в количестве тех, кто прошел папа-группу и тех, кто ее не прошел и при этом тратит на общение со своим ребенком более 24 часов в неделю. Различия во временных затратах несколько нивелируются, если сопоставлять отцов, прошедших папа-школу и отцов из выборки второго этапа исследования, которые имеют детей в возрасте до 4 лет. Таким образом, различие в количестве времени, которое уделяют детям мужчины, прошедшие папа-школу и не прошедшие ее, может быть частично объяснено возрастом их детей и влиянием малого объема выборки третьего этапа исследования. По всей видимости, папа-школы не оказывают существенного

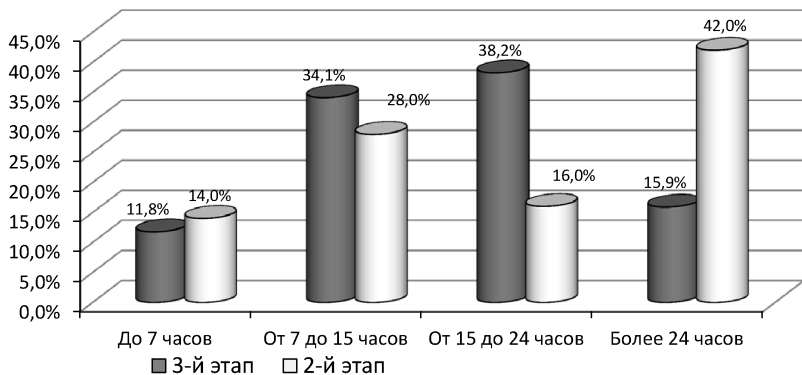

Диаграмма 34. Сравнение распределений ответов на вопрос о количестве времени, которое мужчины, не прошедшие папа-школу (2-й этап исследования) и прошедшие папа-школу (3-й этап исследования), посвящают своим детям в среднем в неделю.

влияния на объем временных затрат мужчины на общение с ребенком.

Сопоставление качественного наполнения практиками заботы о детях времени, которое затрачивают на общение со своим ребенком отцы, прошедшие папа-школу, демонстрирует их различие с отцами, которые не прошли папа-школу.

Мужчинам, прошедшим папа-школу, задавались вопросы о том, как часто они что-либо делают с ребенком и для ребенка:

- игры с ребенком;
- прогулки;
- приготовление еды для ребенка;
- физический уход за ребенком (в том числе купание и смена памперсов).

Распределение (в процентах) ответов на вопросы о частоте, с которой опрошенные отцы осуществляют данные практики, представлено на диаграммах 35–38.

Практически везде в этом блоке вопросов количество отцов, ответивших, что они осуществляют соответствующие практики всегда или почти всегда, на третьем этапе исследования оказалось выше, а иногда значи-

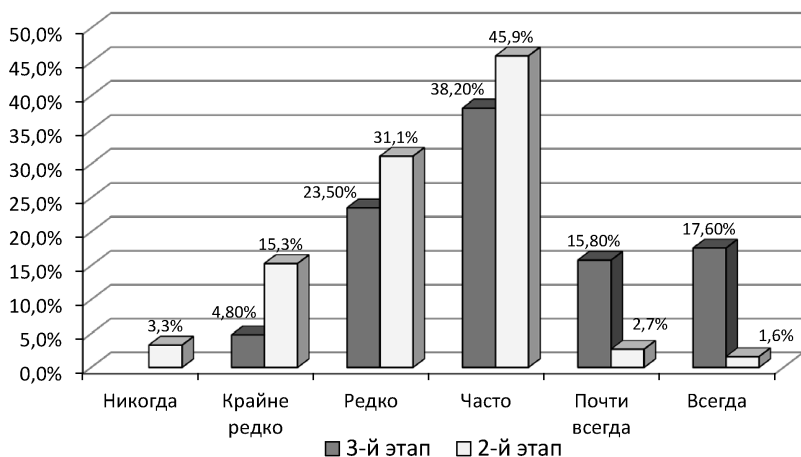

Диаграмма 35. Сравнение распределений ответов на вопрос «Как часто Вы осуществляете физический уход за ребенком (например, смена памперсов, купание)?» мужчин не прошедших (2-й этап исследования) и прошедших занятия в папа-группах (3-й этап исследования).

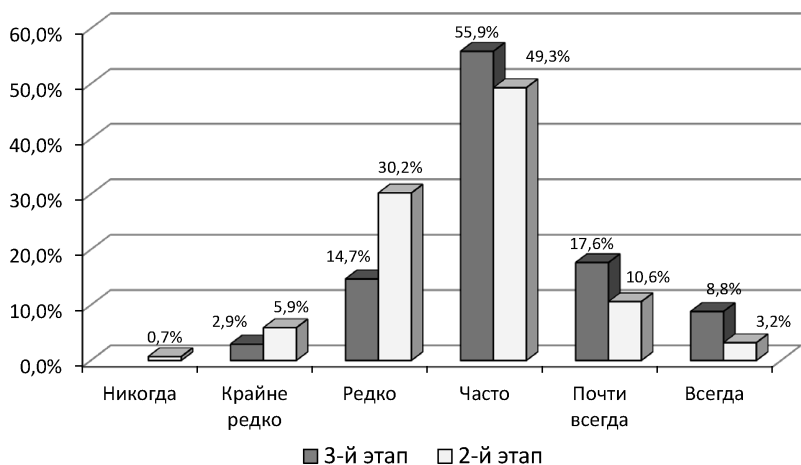

Диаграмма 36. Сравнение распределений ответов на вопрос «Как часто Вы играете с ребенком?» мужчин, не прошедших (2-й этап исследования) и прошедших занятия в папа-группах (3-й этап исследования)

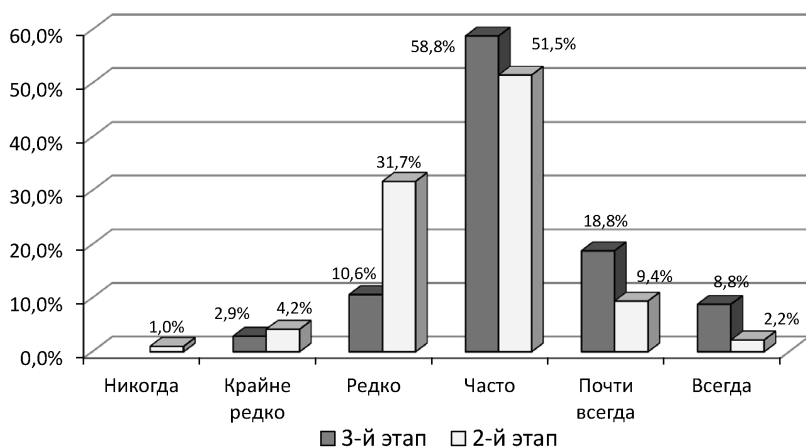

Диаграмма 37. Сравнение распределений ответов на вопрос «Как часто Вы ходите на прогулки с ребенком?» мужчин, не прошедших (2-й этап исследования) и прошедших занятия в папа-группах (3-й этап исследования)

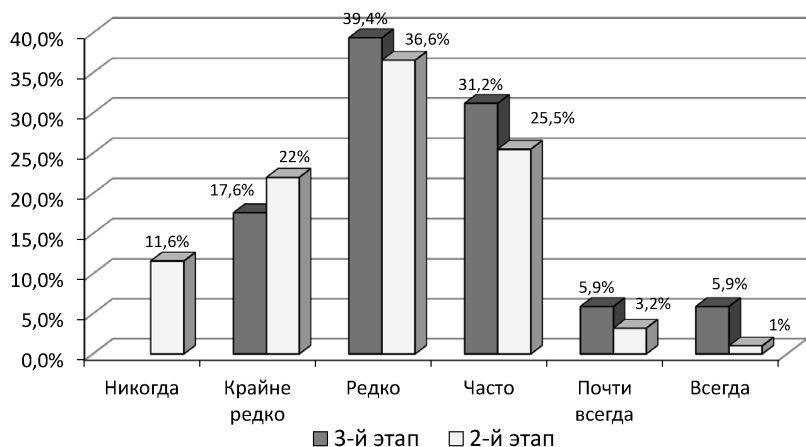

Диаграмма 38. Сравнение распределений ответов на вопрос «Как часто Вы готовите еду для ребенка?» мужчин, не прошедших (2-й этап исследования) и прошедших занятия в папа-группах (3-й этап исследования).

тельно выше, чем в опросе второго этапа исследования. Также на третьем этапе исследования увеличилось количество отцов, отмечавших, что они осуществляют соответствующие практик часто. При этом на третьем этапе исследования значительно снизилось количество отцов, которые почти никогда или редко осуществляют те или иные практики заботы о детях. Мужчины, прошедшие занятия в папа-школе, ни одного раза не выбрали ответ «никогда» ни в одном из вопросов данного блока. Такое соотношение не может быть объяснено возрастом детей опрашиваемых (сохраняется при включении в анализ только мужчин, имеющих детей в возрасте 0–4 года).

Такое распределение ответов мужчин, прошедших папа-группы, на вопрос о практиках заботы о детях и его соотношение с ответами на эти вопросы мужчин, не участвовавших в работе папа-группы, может свидетельствовать о том, что именно практики заботы и воспитания, реализуемые отцами, являются той областью, в которой прослеживается влияние папа-групп. Можно предположить, что занятия в папа-группах способствуют расширению репертуара родительских практик и более плотному вовлечению в них мужчин.

Важные отличия от мужчин, не прошедших папа-школу, отцы, прошедшие папа-школу, демонстрируют отвечая на вопрос «Если с ребенком надо пойти на прием к врачу, в детский сад и т. п., кто это будет делать в Вашей семье?» Данный вопрос позволяет оценить готовность отца участвовать в деятельности, значимой для ребенка, но в рамках традиционной модели родительства относящейся к обязанностям матери.

Распределение в процентах ответа на вопрос «Если с ребенком надо пойти на прием к врачу, в детский сад и т. п., кто это будет делать в Вашей семье?» представлено на диаграмме 39. Выбирая ответ «другое» респонденты чаще всего говорили о том, что они пойдут совместно с супругой или попросят родственников.

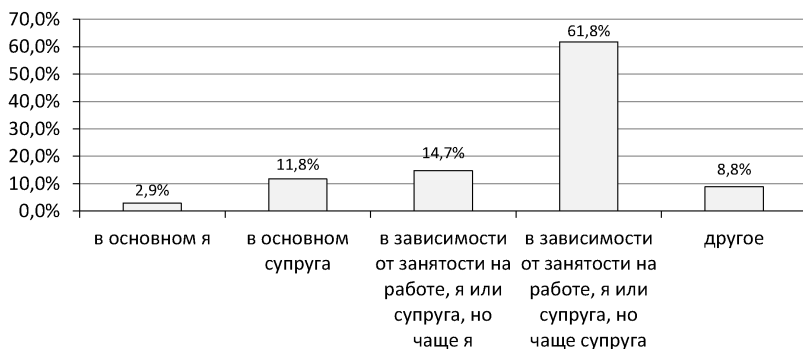

Диаграмма 39. Распределение ответов на вопрос «Если с ребенком надо пойти на прием к врачу, в детский сад и т. п., кто это будет делать в Вашей семье?» (мужчины, прошедшие папа-группы)

Наиболее частым вариантом ответа (более 61 %) стал ответ: «В зависимости от занятости на работе, но чаще супруга». В то же время вариант «в основном супруга» (самый частый вариант ответа в опросе мужчин, не прошедших папа-школы) встречался всего в 12 % анкет. Такое распределение ответов на этот вопрос мужчин, прошедших папа-школу и его соотношение с ответами мужчин, не прошедших папа-школу, может свидетельствовать о большей готовности мужчин, которые прошли занятия в папа-школе, к сотрудничеству с социальными сервисами. Это также может быть положительным результатом влияния папа-школы (в случае, если не связано с другими внешними факторами). На основании анализа ответов на этот вопрос с определенными оговорками, касающимися размера выборки третьего этапа исследования, можно сказать, что папа-группы в основном успешно выполняют функцию низкопорогового социального сервиса, адаптирующего мужчину к взаимодействию с другими социальными сервисами.

Заключение

Семья является одной из наиболее приоритетных ценностей современных мужчин. Нормативная модель распределения обязанностей по обеспечению заботы и воспитания между родителями среди мужчин на сегодняшний день носит преимущественно традиционный характер (модель мужчины-кормильца и женщины, занятой заботой о детях), однако включает отдельные черты, характерные для более равного распределения обязанностей. Около 2/3 отцов в современном российском обществе вовлечены в практики заботы о детях, но это вовлечение носит ограниченный характер и является достаточно пластичным и относительно неустойчивым. Мужчины в целом не готовы к взаимодействию с социальными сервисами по вопросам, связанным с детьми и делегируют взаимодействие с ними своим партнерам (матерям).

Гендерно-чувствительный социальный сервис папа-школа не оказывает значимого влияния ни на ценности в области родительства, ни на нормативную модель распределения заботы о детях между супругами. Однако большая часть мужчин, попавших в зону его влияния (по сравнению с мужчинами, не испытывавшими влияние папа-школ), демонстрирует более плотное вовлечение в практики заботы о детях (физический уход, приготовление пищи, прогулки, игры) и значительно большую готовность, по сравнению с мужчинами, не прошедшими курс папа-групп, к взаимодействию с социальными сервисами. Масштабы роста вовлечения в практики заботы мужчин после прохождения ими папа-групп являются относительно небольшими

(примерно 10–15 %), но стабильными (присутствуют во всех исследованных параметрах).

В результате проведенного исследования влияния гендерно-чувствительных форм работы социальных сервисов (на примере папа-групп) на трансформации ценностей и практик родительства в современной России (на примере Санкт-Петербурга) были получены данные, которые свидетельствуют о наличии определенного ограниченного влияния существующих на сегодняшний день гендерно-чувствительных социальных сервисов (папа-школ) на трансформации практик родительства.

Повышение доступности папа-школ и обеспечение возможности для всех будущих отцов пройти занятия в них, а также активное распространение информации о папа-школах может в дальнейшем способствовать более широкому и интенсивному распространению родительских практик, основанных на гендерном равенстве.

Список использованных источников

1. Ангелова Е., Темкина А. Отец, участвующий в родах: гендерное партнерство или ситуативный контроль? // Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности. СПб., 2009. С. 473–508.
2. Антонов А. И., Медков В. М. Социология семьи. М., 1996.
3. Бергер П. Л., Бергер Б. Социология: биографический подход // Личностно-ориентированная социология. М., 2004.
4. Вельцель К., Инглхарт Р. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М., 2011.
5. Вишневский А. Г. Семья в поиске // Образовательная политика. 2011. № 5 (55). С. 57–64.
6. Гидденс Э. Социология. М., 1999.
7. Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. СПб., 2004.
8. Григорьева И. А. Развитие социальной работы в России и возможности улучшения профессионального образования // Социальная работа: теория, методы, практика. 2013. Вып. 3, т. 3. С. 9–13.

9. Гурко Т. А. Родительство в изменяющихся социокультурных условиях // Социологические исследования. 1997. № 1. С. 72–79.
10. Еремин Н. Н. Папа-школа: гендерно-чувствительные формы социальной работы // Ответственное отцовство: новые формы социальной работы. СПб., 2010. С. 29–45.
11. Зеликова Ю. А. Влияние социальной политики и родительских ценностей на семейное поведение и воспитание детей: межкультурный анализ // Журнал исследований социальной политики. Т. 10, №3, 2012. С. 343–360.
12. Клецина И. С. От традиционного типа отцовства к вовлеченным отцам // Ответственное отцовство: новые формы социальной работы. СПб., 2010. С. 7–28.
13. Кон И. С. Гендер и маскулинность, сыновья и отцы // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. XI, № 1. С. 48–64.
14. Концепция семейной политики в Санкт-Петербурге на 2012–2022 годы. Одобрена постановлением Правительства Санкт-Петербурга от 10.07.2012 №695.
15. Кравченко Ж. В. Мужчины в заботе о детях: сравнительный анализ России, Франции, Норвегии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. XI. № 1, С. 65–85.
16. Кукулин И., Майофис М. Новое родительство и его политические аспекты // Pro et Contra. 2010. Т. 14. № 1/2. С. 6–19.
17. Литвинова С. Рецензия на книгу: Лев М. Введение в социологию образования и воспитания (на нем. яз., 2003) // Социологические исследования. 2005. № 5 // <http://www.isras.ru/files/File/Socis/2005-9/litvinova.pdf>
18. Малышев А. Г. Информированность о социальных сервисах в Санкт-Петербурге. Проблемы и перспективы социологического анализа // Социальная работа: теория, методы, практика. Вып. 2. 2012. С. 27–30.
19. Малышев А., Парфёнова О. Социальные сервисы как проводники трансформации родительских практик (на примере распространения папа-школ в Санкт-Петербурге) // Социальные работники как проводники перемен. М., 2012. С. 68–88.
20. Негри А. Труд множества и ткань биополитики // <http://www.polit.ru/article/2008/12/03/negri>
21. Плющ И. В. Основные факторы изменения моделей рождаемости и их учет в социальной политике // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. Т. XI. № 2, С. 136–152.
22. Пфау-Эффингер Б. Культурные перемены и семейная политика в Восточной и Западной Германии // Социологические исследования. 2003. № 10. С. 78–87.

23. Чернова Ж. В. Модель «советского отцовства»: дискурсивные предписания // Российский гендерный порядок: социологический подход. СПб., 2007. С. 138–169.
24. Семейные ценности — вне конкуренции // <http://wciom.ru/index.php?id=269&uid=11410>
25. Чернова Ж. В. Семейная политика в западноевропейских странах: модели отцовства // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. XI. № 1, С. 103–122.
26. Ярская-Смирнова Е. Р. Гендерно-чувствительный подход к социальной работе // <http://do.teleclinica.ru/206340>
27. Beck-Gernsheim E. Was kommt nach der Familie? Alte Leitbilder und neue Lebensformen. München, 2010.
28. Dominelli L. Anti-oppressive social work theory and practice. Basingstoke, 2002.
29. Nentwich J. Wie Mütter und Väter gemacht werden — Konstruktionen von Geschlecht bei der Rollenverteilung in Familien // Zeitschrift für Frauenforschung & Geschlechterstudien. 2000. № 3. S. 96–121.
30. Rogers E. M. Diffusion of Innovations. Fourth edition. New-York. 1995.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (И. А. Григорьева)	3
Введение	5

ЧАСТЬ 1

Теоретические аспекты исследования влияния гендерно-чувствительных форм работы социальных сервисов на трансформации ценностей и практик родительства в современной России

1.1. Объект, предмет, цели и задачи исследования . .	7
1.2. Ценности и практики родительства	8
1.3. Трансформация ценностей и практик родительства: теоретический контекст изучения, модели	9
1.4. Исторический контекст родительства, материнства и отцовства в России	15
1.5. Биополитические аспекты родительства.	16
1.6. Механизмы распространения ценностей и практик родительства	18
1.7. Гендерно-чувствительные социальные сервисы, ориентированные на поддержку новых форм родительства	21
1.8. Методы проведения исследования и сбора информации	27

ЧАСТЬ 2

Исследование ценностей и практик родительства проживающих в Санкт-Петербурге мужчин, имеющих детей

2.1. Эмпирическая база исследования	29
2.2. Ценности	31
2.2.1. Ценности, связанные с семьей	32

2.2.2. Материальные ценности	34
2.2.3. Самореализация как ценность	36
2.3. Компоненты родительства	37
2.4. Практики родительства	38
2.4.1. Практики родительства: нормативная модель распределения обязанностей .	38
2.4.2. Практики родительства: оценка включенности отцов	43
2.5. Отношение к праву отца брать отпуск по уходу за ребенком	51

ЧАСТЬ 3

Исследование ценностей и практик родительства мужчин, прошедших занятия в папа-школах в Санкт-Петербурге в 2010–2013 годах

3.1. Эмпирическая база исследования	53
3.2. Результаты исследования мужчин, прошедших папа-группы	54
Закключение.	66
Список использованных источников.	67

Александр Геннадьевич Малышев

Влияние гендерно-чувствительных
форм работы социальных сервисов
на трансформации ценностей
и практик родительства
в современной России

ООО «Издательство «Тускарора»
190013, С.-Петербург, а/я 13
тел./факс: (812) 316-40-52,
e-mail: tuskaroramail@gmail.com
сайт: www.tuskarora.ru

Отпечатано в типографии «Art-Xpress»
199155, Санкт-Петербург, ул. Уральская, д. 17, к. 3
Тел/факс: (812) 331-33-22